

ВИТАЛИЙ
БРИЗ

АЛЁНА
СКАЗКИНА

ПРОКЛЯТИЕ СЕРЫХ

ЗЕМЕЛЬ

Виталий Бриз
Елена Артюшкина
Проклятие Серых земель

<https://litres.ru/74047921>

SelfPub; 2026

Аннотация

Испытания горы Тяньмэнь остались позади. Но вместе с новыми возможностями мы получили новые вопросы. Что на самом деле случилось полгода назад у Пещер Эха? Кто и зачем втравил Дома Лозы и Шипа в самоубийственную войну? Рано или поздно я выясню правду, найду виновных. И заставлю их ответить, пусть даже весь мир обратится против меня!

Тем временем на границе таинственным образом исчезает целая деревня. Единственный свидетель, полубезумный мальчишка, твердит о древнем проклятии. И все следы ведут туда, где не действуют законы привычного мира, — в опасные и загадочные Серые земли...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	18
Глава третья	37
Глава четвертая	50
Глава пятая	64
Глава шестая	79
Глава седьмая	95
Глава восьмая	111
Глава девятая	125
Г	139
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Проклятие Серых земель

Глава первая

Сегодня я наконец-то снова почувствовал фохат.

С испытаний на горе Тяньмэнь миновала половина луны, и все это время я провел в лазарете в деревне Лозы. Давился тошнотворными зельями, которыми травил меня старый извращенец Диши. Терпел назойливое прикосновение его паучьих пальцев. Считал плывущие по небу облака и оставшиеся на ветвях клена листья. Спал.

Все эти дни я чувствовал себя странно, и дело было не только во временной утрате способностей.

Цель спасти учителя Лучаня, которой я жил последние полгода, исчезла. Ненависть... тоже как-то сама собой растаяла. Линг и Минджу, старейшина Юи и другие — я не забыл про них, но время притупило боль потери, и я с удивлением обнаружил, что в Доме Лозы тоже есть люди, которые мне не безразличны: Жаолинь, Фенчунь и Тай, этот белобрысый придурок Вэй, даже наставник Цзымин с его скупой заботой, к чьим урокам я сам не заметил, как привык, и теперь скучал без каждодневных тренировок.

Ни цели, ни ненависти — внутри словно образовалась дыра, пустота, которую я пока не знал, чем заполнить.

Требовалось время, чтобы все обдумать, и, пожалуй, ла-

зарет с его тоскливым однообразным распорядком подходил для этого лучше всего.

В первую очередь меня, конечно, волновало состояние наставника Лучаня. Старейшина Цзымин честно предупредил, что шанс вылечить учителя очень мал: несмотря на молодость, Чжан Лучань считался одним из лучших заклинателей Шипа, а потому успел впасть в зависимость от изумрудного оттенка фохата. Но, учитывая успехи в освоении печатей Лозы — мои, Яньлинь и Хуошана, шанс все же имелся. Особенно мастеров заинтересовал факт, что я использовал старшие печати двух Домов одновременно и при этом не отправился в гости к владыке Яньло-вану [не умер]. Несмотря на полгода подготовки, тело не должно было выдержать такую нагрузку.

Полагаю, меня спасла та странная черная дрянь, разьевавшая барьер вокруг обители. Ее природу не могли объяснить ни я сам, ни мастера Лозы (хоть и не хотелось, пришлось рассказать все). Наставника Цзымин собирался поискать упоминания о похожих случаях в архивах, но, судя по молчанию, либо пока ничего не нашел, либо не счел нужным сообщать мне. Призвать разрушительную печать снова у меня не получалось.

Темноволосая заклинательница тоже мне больше не снилась.

Хотел бы я выяснить, кто она такая, откуда взялась и чего хочет. Но гадать об этом было так же бесполезно, как и о том,

действительно ли Зеленый Дом что-то искал в Пещерах Эха. Позже я собирался наведаться туда, хоть и сомневался, что найду следы, ускользнувшие от внимания мастеров Лозы.

А пока все, что оставалось, — притворяться подопытным кроликом Тэнг Диши; надеяться, что его предположение окажется верным, и после того, как восстановлюсь, я смогу использовать и печати Лозы, и печати Шипа без последствий; ворочаться с боку на бок, проминая пахнущий луговыми травами матрас, да радоваться коротким визитам Яньлинь и Хуошана.

Яньлинь... Мне все еще было стыдно за нападение на нее. Но подруга заявила, что на убогих и больных не обижаются — и потому не собирается обсуждать мое временное помутнение сознания. Щебетала о зелье, которое они на днях варили с Фенчунь для Янцзы, о странной пропаже Вея — она не видела белобрисого с испытаний на Тяньмэнь. О суете, царившей в Доме в связи с переездом из деревни Шипа: Лоза наконец-то решила собрать всех учеников в одном месте.

Да, подруга не держала на меня зла, но я-то прекрасно отдавал себе отчет, что готов был записать ее в стан врагов из-за собственной мнительности.

Хуошан... Его чугунной башке, казалось, все нипочем.

Друг рассказал, что тоже попался в ловушку Леса заблудших, и пока гонялся по кустам за иллюзорным Вэем, настоящий оглушил его и вместе с отставшим от крысюка Танзином притащил в безопасное место. Так что когда Быкоголо-

вый очнулся, то обнаружил, что расклад сил стал два-один не в его пользу.

Попытка уйти в одиночку закончилась в ловчей яме, из которой его снова вытащил проклятый белобрысый. А потому, в кои-то веки поработав головой и поняв, что одному ему до места встречи не добраться, выяснение отношений Хуошан решил отложить до более подходящего случая.

Догадываюсь, Танзин тоже не испытывал радости от вынужденного союза, но, по словам Хуошана, на провокации не реагировал и рвать зубы у тигров не пытался [не лез на рожон]. По крайней мере, до ночи, когда Вэй куда-то усвистал, оставив двоих спутников наедине.

Естественно, они сцепились — сначала переругивались, потом... До драки дело не дошло по одной простой причине: белобрысый вернулся. Да не один, а с каким-то сумасшедшим заклинателем на хвосте, против которого не помогла даже коронная «Пасть зверя». Очнулся Быкоголовый уже в лечебнице.

Когда я пересказал слова учителя Лучаня, Хуошан пожал плечами и спросил: «Что это меняет?». Наивно было ждать, что Быкоголовый тут же откажется от своих убеждений насчет Лозы. Успокаивало только, что Яньлинь обещала присмотреть, чтобы Хуошан не натворил глупостей.

— Вижу, мой драгоценный мальчик, ты быстро идешь на поправку, — заметил, входя Тэнг Диши.

Я опомнился, посмотрел на тонкий браслет из лозы, об-

вивший запястье. Похоже, перенимаю дурные привычки у белобрысого. Встал, поклонился:

— Вашими стараниями, уважаемый старейшина.

— Да, моими, — согласился Тэнг Диши. — Но как бы мне ни хотелось продолжить наше плодотворное общение...

Это так теперь называются бесчеловечные эксперименты над учениками? Хотя, Великий Дракон мне свидетель! Если исследования Тэнг Диши по влиянию фохата на тело помогут учителю Лучаню, пусть не только своей отравой пичкает, даже на кусочки режет.

Старейшина кашлянул, и я опомнился.

— Так вот, Саньфэн, твой наставник полагает, что ты заседелся под моей опекой. Видит Свет, мне не хочется тебя отпускать, но я вынужден подчиниться. Тебя ждут у Дворца Старейшин.

После полумрака лазарета солнце снаружи ослепляло. Несмотря на ясный день, осенний воздух был довольно прохладным и приятно свежим после приторной терпкости трав и зелий.

Я с интересом глазел по сторонам. Поллуны назад, когда нас привезли с Тяньмэнь, мне было не до того, чтобы осматриваться.

В отличие от деревни Шипа, Дом Лозы располагался в лиственном лесу. Точнее, в лесу располагались лазарет, младшая школа, учебные залы и дома мастеров. Сама деревня вплотную подходила к опушке, но я направился в проти-

воположную сторону — глубже в чашу.

Под ногами шелестела опавшая листва, в воздухе плыла, серебрясь, паутина. Было неожиданно тихо и пустынно: ни голосов играющих младших учеников, ни криков птиц, ни духов, ничего.

Деревья расступились неожиданно, открыв взору озеро. Светлая застывшая в неподвижности вода казалась огромным зеркалом, в котором отражалось выцветшее до грязной голубизны осеннее небо и желто-рыжий костер растущих по берегам кленов.

В середине озера, на острове стоял Дворец Старейшин. Центральное строение, монументальное, надежное, с крутоскатной крышей, возвышалось на три этажа. Вдоль второго шел балкон, покоящийся на восьми витых колоннах. Главный дом, словно цыплята наседку, окружали закрытые беседки и малые дома. Весь этот архитектурный ансамбль соединяли коридоры и открытые переходы.

От берега к острову тянулся сплетенный из лоз мост.

На площади перед Дворцом было многолюдно. Общее собрание? Я заспешил к мосту.

— Тэнг Чжан Саньфэн! — остановил меня скрипучий голос.

Я настороженно посмотрел на поджидавшего меня Кукольника, склонился в приветствии.

— Подойди, — сухо приказал Тэнг Бинь. — Держись рядом.

Старейшина призвал «Лепесток», поднимая нас обоих в воздух. От неожиданности я пошатнулся, но устоял. «Лепесток» развернулся, устремился к Дворцу. Снизу промелькнула серебристая гладь воды. Узкая прибрежная полоса, покрытая песком, зеленое море выстроившихся учеников.

Впереди стояли восемь старших учеников. Фенчунь заметила меня, толкнула Яньлинь. Подруга встревоженно нахмурилась. Шу, наоборот ухмыльнулся, и его довольная рожа мне очень не понравилась.

Мы приземлились во внутреннем дворике. Тэнг Бинь развеял печать, не оборачиваясь, направился внутрь Дворца. Я последовал за ним, с интересом глаза по сторонам.

Вроде Дворец другой, а ощущения те же: пустынные коридоры, в которых царит торжественное молчание, нарушаемое лишь тихим звоном ловцов ветра и шелестом камифур [бумажных печатей]; незыблемость отделанных резными деревянными панелями стен; разлитая в пространстве сила.

— Жди здесь, — Тэнг Бинь отворил дверь в небольшую светлую комнату, пропустил меня внутрь и захлопнул за моей спиной. Я не удивился бы, услышав скрежет засова, но запирать меня не стали.

В комнате, куда привел меня Кукольник, уже находился Вэй. Выглядел тот непривычно... растрепанным? Я не сразу осознал, что волосы первого ученика стали гораздо короче. И кто же это «прищемил» хвост белокрысому?

Вэй, скрестив руки на груди, задумчиво смотрел в щель

между дощечками штор, наблюдая за столпотворением на площади перед Дворцом. Мое появление он встретил невеселой улыбкой, отстраненно поинтересовался:

— Выпустили зельеморы?

— Да.

— Хорошо.

Белобрысый кивнул, снова уставился в окно. Похоже, солнечный гений изменился не только внешне. Будто Вэя окружил незримый барьер, которым он отгородился от остального мира. Или только от меня? Непривычное поведение первого ученика смущало и даже нервировало. Обиделся? Да, какое-то время я полагал его виноватым в нападении на Хуошана, но мысли-то он читать не умеет! Или это из-за Шу?

Я пожал плечами и подошел к окну с другой стороны. Площадь оказалась как на ладони. Стройные ряды учеников. Восемь старших впереди.

Лоулань вцепилась в рукав Янцзы. Хуошан хмурился, сжимал кулаки. Яньлинь явно успокаивала его, а сама озиралась, теребила кольцо на поясе. Тай, нацепив на лицо соответствующее торжественное выражение, слепо смотрел вперед и ввысь. Шу с довольной улыбкой что-то говорил Танзину, косясь при этом на Быкоголового.

Протяжный звук гонга оборвал шевеления и разговоры.

— Глава Тэнг Фухуа! — звучно объявил в накрывшей остров тишине невидимый старейшина Цзымин. — Поклон!

— Приветствую вас, мои дорогие. Приветствую...

Главу я тоже не видел, но, судя по направлению, откуда доносился голос, он находился над нами, на балконе второго этажа.

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы чествовать покорителей горы Тяньмэнь. Я рад объявить, что Тэнг Тай, Тэнг Чжан Яньлинь, Тэнг Шу и Тэнг Фенчунь, — глава делал паузу после каждого названного имени, дожидаясь, пока ученик выйдет вперед, — достигли следующей ступени Пути Света. Дом Колючей Лозы гордится вами и вручает эти геммы, как признание ваших талантов и заслуг. Протяните руки!

В воздухе возникли лозы, хитро заплелись в медальоны, застыли, окаменели. Упали на раскрытые ладони.

— Мы будем следить за вашим успехами, младшие ученики будут равняться на вас. Надеюсь, вы совершите немало деяний на благо нашего Дома и во славу его!

— Благодарим за доверие, глава Тэнг Фухуа, — склонились в поклоне новопризнанные адепты. — Мы не подведем вас и Дом Колючей Лозы.

— Тэнг Танзин, Тэнг Янцзы, Тэнг Лоулань и Тэнг Чжан Хуошан, — продолжил глава, когда гомон стих, — смею надеяться, что неудача не остановит вас, и вы продолжите совершенствовать тело и дух, чтобы изо всех сил служить нашему Дому.

Хуошан явно собирался высказаться, в каком месте он видел эту службу, но, слава Извечному Свету и наступившей ему на ногу Яньлинь, сдержался.

— А теперь празднуйте! Празднуйте, дорогие! И пусть сегодня не остается грустных лиц!

Какое-то время на площади царила тишина. Потом ученики расслабились, загомонили — это значило, что глава ушел. Зазвучала музыка. Откуда-то выскочили танцоры. По мосту покатались разноцветные фургоны со снедью. За ними толпой тянулись деревенские жители.

Вэй отвернулся, прислонился спиной к стене, закрыл глаза.

Полагаю, нас на праздник не приглашали. Тогда что мы тут делаем?

Ждать ответа оказалось недолго.

Не истекло и пяти минут, как в комнату вошел глава Фухуа в сопровождении Кукольника и наставника Цзымина. Последний взмахом руки сотворил барьер, заглушавший веселье на площади. Вид у всех троих был хмурый. Мы с белобрысым склонились в традиционном приветствии. Глава Фухуа молчал, не спеша давать знак, что можно выпрямиться.

— Вэй и Саньфэн, полагаю, вы догадываетесь, почему сейчас находитесь здесь, а не на площади, — произнес он.

Пожалуй, да. Пускай мы с Хуошаном не натворили ничего непоправимого, пускай действовали, исходя из ошибочных предпосылок, как ни крути, мы собирались пойти против Дома, и в худшем случае наши поступки могут расценить как предательство. В лучшем... тоже ничего хорошего.

Радовало одно — Быкоголового здесь нет, и что бы старейшины ни решили вменить нам в вину, обвинять они будут меня одного.

Непонятно только, причем здесь Вэй?

Тэнг Фухуа просвещать не спешил, решив вдоволь помучить нас неизвестностью. Тишина длилась, и длилась, и длилась, звеня от напряжения. И чем дольше глава молчал, тем более нехорошее предчувствие меня одолевало.

— Вы оба поняли суть горы Тяньмэнь, — наконец заговорил глава. — Поднялись на новую ступень Пути Света, и я хотел бы сказать, что с честью прошли испытания, но...

Тэнг Фухуа взял паузу, придавая вес следующим словам:

— Но вы оба сознательно нарушили законы Дома, причинив вред своим братьям, и я не имею права закрыть на это глаза.

— Мне очень жаль, что своими необдуманными действиями я принес неприятности Дому и поставил под угрозу жизни Хуошана и Танзина, — глухо покаялся белобрысый, опускаясь на колени и склоняя голову. — Я был слишком самонадеян и недооценил опасность для окружающих меня людей.

Я промолчал, повторив позу Вэя. А что тут говорить? Что Шу первый начал? Обидно, конечно, что крысюк вывернулся. Но свидетелей нет. И даже если бы мне удалось доказать, что я всего лишь защищался, то факт оставался фактом — после драки я сбежал на своих двоих, а Шу унесли, так что ситуацию это не слишком меняло. Нападению на Яньлинь и

вовсе не было никаких оправданий.

Снова воцарилось напряженное молчание. Обнадеживало, что если бы глава и старейшины приняли решение об изгнании, то, скорей всего, озвучили бы его полчаса назад перед всеми — в назидание.

— Я хочу напомнить, — вмешался старейшина Цзымин, — что каждый имеет право на ошибку.

Белобрысый помрачнел, словно слова наставника для него были худшим наказанием, чем недовольство главы.

— В критический момент обратившись к Хуошану и Танзину, Вэй рассчитывал на помощь братьев. Он и сам готов был защищать и, заметьте, защищал их до этого все два дня на Тяньмэнь.

— То, что ваш ученик спровоцировал Мо тоу [Демонического безумца — нарицательное имя для обозначения заклинателя, что использует свой дар во зло], а затем натравил его на тех, кто заведомо слабее, чтобы отвлечь и таким образом спастись самому — это вы называете ошибкой, уважаемый Тэнг Цзымин? — проскрипел Кукольник. — А может быть, даже... какое слово вы использовали в прошлый раз? *Случайностью?*

Вэй скрипнул зубами, но даже не попытался возразить.

— Вы мастер изворотливых формулировок, — продолжал Тэнг Бинь. — Но даже вам не найти оправдания поступкам второго вашего подопечного. Проникновение в обитель, попытка убийства учеников Шу и Яньлинь — это вы уже не

объясните простой *случайностью*.

— Не сомневаюсь, что если бы Саньфэн действительно хотел причинить вред или тем более убить названных вами учеников, он бы сделал это, — хмыкнул старейшина Цзымин. — Но пока я вижу обратное. Если вы запомнили, уважаемый Тэнг Бинь, я напомню про Тая, которого Саньфэн, рискуя собой, вывел из Леса заблудших. А также про Янцзы, спасенного из гнезда пауков. Если уж на то пошло, признаем открыто: Тай, Фенчунь и Шу получили геммы адепта во многом благодаря этим двоим.

— Признание заслуг не освобождает от ответственности за проступки.

Глава Фухуа кхекнул, обрывая спор.

— То ли выгнать, то ли наградить... — он демонстративно задумался. — Дом многое потеряет, если мы исключим двух талантливейших учеников. Тем более ничего страшного не произошло. Но и законы придуманы не просто так.

— Если мы закроем глаза на нарушение только потому, что повезло избежать губительных последствий, в следующий раз наша снисходительность грозит обернуться большой бедой, — заметил Тэнг Бинь.

— Вы сгущаете краски, — возразил старейшина Цзымин.

— Вы защищаете своих учеников, и это естественно для наставника. Но мы уже обсуждали недавно проступок одного из них. Не прошло и луны, как Саньфэн снова нарушил правила, и нападение на других учеников, какими бы причи-

нами ни было вызвано, более тяжелое преступление, чем попытка влезть в хранилище. Безнаказанность порождает вседозволенность и хаос.

— Вы прекрасно знаете, почему Саньфэн влез в хранилище и зачем проник в обитель, — в голосе Тэнг Цзымина неожиданно зазвенел лед. — И знаете, что в этом есть и наша вина.

— Вы хотели сказать: ваша вина, старейшина Цзымин?

— Довольно! — жестко оборвал глава. — Мы здесь, чтобы решить, что делать с этими двумя. Вэй, Саньфэн...

Похоже, представление, разыгранное старым лисом, вышло из-под его контроля, и сейчас мы наконец узнаем, что же придумал глава. Сошлет нас с белобрысым в захолустье? Назначит десять лет общественных работ?

Дверь распахнулась, и в комнату вбежала встревоженная мастер Веики. Сначала мне показалось, что ее появление — часть устроенного для нас спектакля, но я быстро понял, что это не так.

— Глава Фухуа, уважаемые старейшины простите, что отвлекаю, — закликательница согнулась в поклоне, протягивая крошечный лист бумаги. — Мы получили голубя из бывшей деревни Шипа. Утром туда привезли мальчишку из приграничного селения Няньшань. Он напуган до крайности и, похоже, не в себе. Мастер Инуи пыталась выяснить, что случилось, но он только повторяет раз за разом, что на них упало проклятие Серых земель.

Глава вторая

— Проклятие Серых земель? — недоуменно переспросил глава Фухуа, беря послание.

Быстро пробежался глазами по строчкам, передал старейшине Цзымину, а тот в свою очередь Тэнг Биню.

— Мастер Инуи поднимает слишком много шума из-за детских фантазий, — проскрипел Кукольник. — Будет как в прошлый раз, когда один дурак закричал: «Демон!», а сотня других поверила. В итоге, демоном, если не ошибаюсь, оказалась упавшая в расселину корова. Почему соседи не выяснили, что произошло, а сразу послали гонца в Дом?

— Приграничье, — ответил наставник Цзымин одним словом, будто оно все объясняло. — Я считаю, надо проверить.

— Да-да, проверить обязательно нужно. А заодно и остальные деревни в той стороне: оценить состояние защитного барьера, выяснить потребности местных жителей, — согласился глава Фухуа. — Только кого бы нам послать? Мастера и старейшины сейчас заняты переездом и подготовкой к зиме. Ученики...

Глава и старейшины разом посмотрели на нас белобрысым.

— Эти двое... — возразил Кукольник.

— Должны искупить вину упорной работой на пользу Дома. Кажется, вы так говорили, уважаемый Тэнг Бинь? — ехидно продолжил наставник Цзымин. — У нас как раз появилась работа, за которую некому взяться. И пользы от нее явно больше, чем от пересчета кленов в западном лесу.

Вот так и вышло, что разбираться отправили нас с Вэем. Тая, как адепта и просто старшего по возрасту, назначили якобы присматривать за нами, но тот почти сразу самоустранился, уступив лидерство белобрысому. Яньлинь, которая переняла дурную манеру своего наставника травить меня зельями «ради моего же блага», оказалась более ответственной и самоустраняться не спешила — к моему огорчению.

Скрипели колеса, лошади бодро взбивали копытами пыль. Мимо проплывали поля. Вдалеке пламенел кленовый лес. Висевшее в зените осеннее солнце дарило тепло, но уже не обжигало, как летом. У горизонта собирались тучи, обещающая скоро скрыть льдисто-голубое небо за серой пеленой. Если дорогу размочет, поедем медленнее, а то и вовсе увязнем, и тогда придется идти пешком.

Для путешествия нам выдали тот самый фургон, на котором группа Яньлинь выезжала из деревни Лозы на испытания Тяньмэнь, и пару резвых каурых лошадей. Мастер-смотритель конюшен, вручая мне (белобрысый, зараза, как чуял момент и куда-то запропал!) поводья, велел обращаться с ними чуть ли не как с небожителями, пообещав спустить шкуру, если с его любимицами что-то случится. Учитывая,

что с лошадьми я до этого дела не имел и ближайшая кобыла тут же попыталась цапнуть меня за воротник, скорее, что-то случится со мной.

Повозка подпрыгивала на кочках. Яньлинь о чем-то спорила с Таем внутри. Вэй, сбежав от них, дремал на крыше. Каурые трусили по дороге, и подгонять их я не решался. Мало ли, что взбредет животным в голову: еще понесут! Успокаивало одно: ехать в повозке — это все-таки не верхом.

Деревня, из которой прибыл посланник располагалась на территории бывшего Дома Шипа, почти на противоположном от Дома Лозы крае — слишком далеко, чтобы туда можно было добраться марш-броском или долететь на «Лепестках»: хоть мы и научились черпать энергию напрямую из окружающего мира, для долгого полета выносливости и умений нам пока не хватало.

По удивительной насмешке богов, это оказалась моя родная деревня.

Возвращаться после стольких лет было... странно. Когда меня забрал учитель Лучань, я утратил всякую связь с семьей. В первый год учебы тетушка пару раз передавала скудные гостинцы, потом и они прекратились — видно, она убедилась, что в Доме мне лучше, чем в родной деревне, посчитала долг заботы выполненным и успокоилась.

Двоюродный братец, наверняка, вымахал в такого же медведя, как и дядюшка. А сам дядюшка Дубу... сколько ему сейчас лет? Он все такой же суровый великан, которому я

предпочитал не попадаться на глаза? Я усмехнулся, поймав себя на том, что невольно ежусь: вот ведь — я уже не тот мелкий мальчишка, настоящий заклинатель, адепт (пусть официально это и не признали), а все равно испытываю робость при мысли о встрече.

— Рад возвращению домой?

Вэю надоело загорать на крыше повозки, и он слез ко мне.

— Откуда ты...

Глупый вопрос. Конечно же, белобрысый готов всегда и всюду сунуть свой любопытный нос! И ведь не боится, что прищемят!

Я осторожно подхлестнул лошадей, признался:

— Сомневаюсь, что меня там ждут.

— Почему? — поинтересовался Вэй.

Я промолчал, намекая, что не хочу распространяться про свое прошлое, но белобрысого это, ожидаемо, не остановило.

— А, знаю! Ты был старшим сыном и братом восьмерых очаровательных сестричек. Родители не хотели отдавать тебя в Дом, полагая единственным кормильцем и опорой в старости. Но ты все равно сбежал, потому что верил, что следовать Путем Света — твое истинное предназначение. Ты переплыл озеро. Сражался в одиночку со стаей демонических волков. У самого Дома тебя догнал отец и сказал, что проклянет, если ты бросишь семью. А твои восемь милых сестричек ревели навзрыд, умоляя...

— Что за бред! — не выдержал я. — Отец не проклинал меня! Не сражался я ни с какими волками! И восьмерых сестер у меня нет!

— Восьмерых нет, — покладисто согласился Вэй. — А сколько есть?

— Нисколько! Родители... умерли, — я надеялся, что хоть теперь белобрысый отвяжется. — А дядюшка с тетушкой были только рады избавиться от лишнего рта.

— Прости, — солнечный гений ничуть не выглядел смущенным. — Зато теперь у тебя точно есть Дом, куда ты можешь вернуться.

Дом Лозы? Точнее, Дом Колючей Лозы. Действительно ли я могу считать его своим домом? Еще луну назад я однозначно бы ответил: «Нет!» Но разговор с учителем, как обычно, заставил посмотреть на вроде бы понятную ситуацию под другим совершенно неожиданным углом. Все это напоминало какое-то...

— ...безумие!

— Что ты сказал?

— Что за безумец, о котором упоминал Тэнг Бинь? — сменил я тему.

— Безумец, он и есть безумец, — отшутился Вэй. — Человек, у которого демоны в голове периодически напиваются байцзю и устраивают пляски не хуже танцоров Нуо. Правда, этот к тому же еще и очень сильный заклинатель, — поморщившись от воспоминаний, добавил Вэй. — Неизвестно из

какого Дома. Отшельник, который уже семнадцать лет живет на горе Тяньмэнь.

— Это с ним ты хотел «разобраться»? — припомнил я ночной разговор накануне испытания.

— Ну не с Хуошаном же, — проницательно посмотрел на меня белобрысый, заставив смутиться: и как только догадался? Хмыкнул: — Мне показалось, это твой приятель хочет разобраться со мной. Повлияй на него как-нибудь, что ли. Мне-то не жалко с ним поиграть. Но ведь я тоже не могу постоянно с ним возиться, а без пригляда Хуошан либо навредит кому ненароком, либо себе лоб расшибет.

Повлиять? Скорее, небожители покинут Белый Дом, чем в Хуошане прорастет зерно рассудительности: надеюсь, он ничего не натворит, пока нас с Яньлинь нет в деревне. Я со вздохом подстегнул лошадей. Вэй и так все понял, посочувствовал:

— Такой же неугомонный придурок, как и Шу?

Я поперхнулся. Сравнение Хуошана с крысюком в первую секунду возмутило до глубины души. Шу — подлый урод, а Быкоголовый... это Быкоголовый.

— Я догадываюсь, что на Тяньмэнь Шу первым к тебе полез. Но ты-то мог хоть немного сдерживаться, а? — заметил Вэй, повторяя почти то же самое, что Яньлинь. — Сомневаюсь, что трепка пошла ему на пользу, только озлобила еще сильнее. Дело твое, конечно. В конце концов, каждый сам решает, наживать себе врагов или нет.

— Я...

— Считал врагами нас всех? Весь Дом Лозы? — поинтересовался Вэй, смотря на меня тем «нехорошим» взглядом, от которого снова возникло ощущение пропасти под ногами. Сморгнул, показательно надулся: — Обидно, знаешь ли. Я целых полгода с тобой возился. Вел задушевные беседы, наставником поделился. Лепешку последнюю скормил.

— Всего лишь половину! — возмутился я.

— Зато два раза! — триумфально возразил белобрысый.

— А две половины как раз равняется одному целому!

Я опомнился, что разговор принял уже совсем абсурдный оттенок. Вэй рассмеялся:

— Наконец-то ты расслабился. А то дулся, словно мышь на крупу. И вообще, как показала недавняя история, лучше жевать, чем говорить... то есть говорить, чем кулаками махать. А потому, когда в чем-то сомневаешься, спроси совета у мудрых людей.

— У тебя, что ли?

— Не-а. Я самый настоящий первосортный дурак, — улыбнулся Вэй, но тут же стер улыбку. — Иначе бы не подставил так учителя Цзымина перед Тэнг Бинем. И потому теперь мне кровь из носу нужно выполнить это задание.

Мне неожиданно стало стыдно. «Неблагодарность — один из худших грехов», — говорил учитель Лучань.

Все эти полгода, что я ненавидел Лозу, старейшина Цзымин относился ко мне как к полноправному ученику: приду-

мывал специальные тренировки, помогая справиться с трудностями из-за смены оттенка, защищал перед другими старейшинами. Я же... не принес ничего кроме проблем — ни ему, ни белобрысому, у которого отобрал время на общение наставником.

Если предположить, что наставник Лучань вынужден был бы учить кого-то из чужого, «вражеского» Дома, и этот кто-то являлся еще тем неблагодарным придурком... Я бы злился, ревновал, наверно. А Вэй даже ни разу не упрекнул меня.

Похоже, пора вспомнить то, что я сам говорил Жаолиню про благодарность и умение признавать ошибки..

— Не ты один. Признаюсь, я показал себя не меньшим идиотом. Мне... очень жаль.

— Забудь. Я вот не знаю, как бы себя повел, окажись на твоём месте.

— У меня ведь был выбор. Я мог... уйти, например.

И меня бы, вероятно, вопреки всем моим надуманным опасениям, отпустили. Гордо. Глупо. Но есть чужой хлеб, принимать чужую заботу и при этом думать, как укусить дающую тебе руку... это подло. Лучше быть гордым глупцом или глупым гордецом, чем подлецом. И незнание меня не оправдывает.

— Отправился бы в одиночку шастать по Серым землям? — заинтересовался Вэй, помешав мне предаваться самобичеванию. — Или гонял бы теневого шелкопряда на Тяньмэнь? Как по мне, два сумасшедших заклинателя для одной

бедной горы — перебор!

— Почему сумасшедших?

— Потому что ни один заклинатель в здравом уме не покинет Дом.

Какое-то время мы молчали.

— Что же все-таки случилось на Тяньмэнь?

— Вот же ж! — с досадой отозвался белобрысый. — Заговариваю тебе зубы, заговариваю...

Я думал, что Вэй пошлет меня гонять демонов на гору Кху Ям, но тот, внезапно посерьезнев, ответил:

— Откровенность за откровенность, да? Ты же рассказал про своих родителей. Наверно, будет нечестно, если я сейчас промолчу. В общем... на Тяньмэнь есть могила. В ней похоронена женщина, которая, возможно, является моей матерью.

— Возможно?

— Я у покойницы не спрашивал, кто она, — легкомысленно мотнул головой белобрысый, снова натягивая привычную маску беззаботного придурка. — У тебя вон хоть тетка с дядькой есть. Я про свою родню вообще ничего не знаю.

— Некоторую родню лучше не знать.

— Возможно, — согласился белобрысый. — Но человек без памяти подобен дереву без корней. Обидно, знаешь ли, когда тебя притащили в Дом и всучили главе Фухуа, как прохудившуюся корзину, которая самому негожа, но выбросить жалко.

— Это был Безумец? — догадался я. — Думаешь, он твой... отец? Или еще какой родственник?

— Демоны его знают! — пожал плечами Вэй. — Потому-то мне и хотелось задать ему пару вопросов.

— На языке печатей? — съязвил я: странно, теперь, когда исчезла нужда притворяться, я чувствовал себя гораздо свободнее.

— Я собирался поговорить. Просто поговорить, для начала. В конце концов, если он и впрямь мой непутевый папаша, невежливо начинать знакомство с печати в лоб, — белобрысый хмыкнул. — Но меня и слушать не захотели. Едва я переступил окружавшую логово Безумца границу, он долбанул заклинанием. Да еще каким! Окажись я чуть менее расторопен, оно не оставило бы от меня и мокрого места. Ну я же не дурак...

Ага, а кто минуту назад утверждал обратное?

— Понял, что человек не расположен к беседе... Но я и предположить не мог, что он будет преследовать меня и тем более нападет на лагерь. — Вэй с досадой цокнул. — Иначе бы устроил стоянку гораздо-гораздо дальше. Я-то рассчитывал быстро побеседовать и вернуться, прежде чем Хуошан с Танзином поубивают друг друга. А в итоге получилось, что из-за моего любопытства Безумец едва не прикончил нас всех.

— И как ты с ним справился? Поднялся на новую ступень? — предположил я, вспомнив свой поединок с Шу.

— А я и не справился, — неохотно признался Вэй после паузы, потянулся пригладить отсутствующий хвост, опомнился и поморщился. — Хоть и мог уже черпать фохат из пространства. Он сам внезапно отступил, после того как вырубил Хуошана и Танзина. Словно раскаялся? Испугался? Знаешь... это жутковато, — добавил белобрысый после паузы, — когда понимаешь, что через секунду твои барьеры, твоих товарищей и тебя заодно раздавят — легко, непринужденно, как куриное яйцо. Зато теперь до меня дошло, почему наставник советовал не задавать Безумцу вопросов, — хмыкнул белобрысый.

Оказывается, у самоуверенности идеального первого ученика тоже есть предел.

После обеда небо затянуло, начал накрапывать дождь. Скорость движения, ожидаемо, снизилась, а потому ехать решили до позднего вечера и на ночлег остановились только, когда окончательно стемнело.

Яньлинь пошла за водой. Вэй подло улизнул за дровами, предоставив мне заботу о лошадях. Что там говорил смотритель? Распрячь, обтереть, напоить, задать корм... Думая, как подступиться, я с опаской посмотрел на ближайшую кобылу. Та тихонько заржала, с недоверием косясь на меня.

— Помочь? — предложил Тай, берясь за упряжь.

— Буду признателен.

Я с облегчением отошел в сторону, с любопытством наблюдая, как Тай безбоязненно и неожиданно ловко распрягал и стреноживал лошадей, складывал упряжь.

— Ты, случаем, не сын коневода?

— Почти, — усмехнулся Тай. — На конюшню заглядывал. Я в Дом попал поздно, мне уже двенадцать было. Иным родители в этом возрасте невесту начинают подыскивать: пока достойную девушку присмотришь да сосватаешь, там уже и возраст для женитьбы подходящий.

Он ласково погладил кобылу по шее.

— У моей семьи всегда было большое хозяйство. Пара коров, бык, овцы... кур и гусей я вовсе не считаю. В общем, мне всегда приходилось возиться с живностью. Родители, конечно, обрадовались, когда у меня обнаружился дар, но и расстроились тоже. Мы же первые помощники — я да младший брат.

— Брат и восемь сестер, — вспомнил я утренний разговор с Вэем.

— Семь, — удивленно поправил Тай. — А откуда ты узнал?

— Да так, подумалось...

Подумалось, что за эти полдня я выяснил о других старших учениках больше, чем за предыдущие полгода.

Вэй с Яньлинь развели костер. Облитые кунжутным маслом, влажные ветки шипели и пыхали паром. От огня веяло

жаром, особенно приятным в промозглой ночной сырости. Пока варилась похлебка, оставалось только ждать и чесать языками.

— Как думаете, что там все-таки случилось? Что тот человек имел в виду, говоря про проклятие Серых земель? — поинтересовалась Яньлинь.

— Наверняка какое-нибудь местное суеверие, — отозвался белобрысый. — Правда, Саньфэн?

Я пожал плечами.

В Доме Шипа к Серым землям относились без интереса.. Ничейная территория, на которой нет доступного для сотворения печатей фохата, а потому неподконтрольная заклинателям.

Как гласит десятая из великих мудростей, где нет власти — нет и порядка. Хищные звери, духи и даже младшие демоны, бесчинство разбойничьих банд — путника, что решался пересечь Серые земли, подстерегало немало опасностей. С другой стороны, насколько мне было известно, обычные люди там тоже жили. Да и те же торговые караваны ходили регулярно.

Но в детстве среди деревенских Серые земли упоминались чуть ли не как крыльцо царства демонов! И любой, кто не был защищен караваном (как мой отец), воспринимался как демон. Демон и Безумец... Оказывается у нас с белобрысым много общего: нам обоим не повезло с родителями.

Когда я поинтересовался у наставника Лучаня, почему

меня называли дитем скверны, тот вздохнул и сказал, что людям свойственно бояться того, чего они не понимают.

— Меня удивляет, что с нами не поехал никто из мастеров, — буркнул Тай. — На мой взгляд, это вопиющая беспечность со стороны Дома!

— Не беспечность, а здравый смысл, — поправил Вэй. — Четыре адепта вполне могут разобраться с проблемой, не дожидаясь, чтобы наставники подтирали нам сопли. Тай, в конце концов, ты покоришь вершину Тяньмэнь! Между прочим, единственный из всех здесь присутствующих! Сколько можно считать себя неудачником?!

— Лучше сдохнуть от самоуверенности?

— Как видишь, я пока не сдох. И еще способен учиться на своих ошибках. А ты? — Тай не ответил, и Вэй вернулся к теме: — Сперва узнаем, что случилось. Не справимся сами, тогда вызовем подмогу, — белобрысый поморщился: вариант с подмогой ему явно не нравился, и оттягивать его он собирался до последнего. — Думаю, достаточно будет обновить защитные амулеты. Хотя это то же самое, что разбивать треснутые горшки [идиома означает, что если что-то нельзя исправить, то лучше сразу сдаться].

— Почему? — удивилась Яньлинь.

— Кристалла Шипа больше нет, и влияние Кристалла Лозы, конечно, расширилось, но поле фохата не покрывает всю территорию вашего бывшего Дома, — пояснил Вэй. — Печально признавать, но поддерживать барьеры приграничных

деревень долго не получится, а потому людям, если они хотят остаться под защитой заклинателей, придется перебраться ближе к Дому.

Я снова подумал про «поводок», которым заклинатели Младших Домов оказываются привязаны к своему Кристаллу. Потом про Зеленый Дом, заклинатели которого, возможно, знают, как избавиться от «поводка», но не спешат этим знанием делиться. Про Долину Семи Чаш и Пещеры Эха...

Что же там на самом деле произошло?

Мне позарез нужны ответы. Это опасно, предупреждал учитель Лучань, и я уже натворил глупостей, когда не внял его словам про мир между Домами, но... Я поймал себя на мысли, что меня больше не устраивают подачки Старшего Дома, не устраивает осколок силы.

— Готово! — попробовав похлебку, заявила Яньлинь.

В желудке нетерпеливо заурчало, и мечты о великом разбились о прозу бытия.

Следующие полтора дня прошли на редкость спокойно.

Мы заглянули в Дом Шипа, но ничего нового узнать не удалось — мальчишка по-прежнему нес какой-то бред. Привезший его мужчина, житель соседней с «проклятой» деревни, добавил, что проверяющего их староста все-таки отправил, но тот не вернулся — то ли стал жертвой проклятия,

то ли, учитывая, что единственным добровольцем вызвался вечно пьяный рыбак, которому пообещали бутылку рисовой водки, просто пропал.

В общем, только время потеряли... если бы не шикарный ужин у господина Йизе. Ничего не изменилось — ни на его кухне, ни в самой деревне. Да и странно, если бы было иначе, ведь прошло всего поллуны. Наверно, виноваты чувства, с которыми я покидал деревню перед Тяньмэнь. Как говорил учитель Лучань, часто мы видим не мир, а лишь свои ожидания от этого мира — еще недавно я готов был порвать все связи с «моим миром» и оттого думал, что без меня он рухнет.

Как бы то ни было, утром мы выехали в приподнятом настроении.

Дождь то начинался, то затихал, повисая в воздухе противной липкой моросью. Воздух пах сыростью, мокрой землей, травой. Он казался слишком тяжелым... пустым: поле фохата слабело с каждым ли, что мы удалялись от Кристалла Лозы — я снова невольно подумал про «поводок».

Управление фургоном, к моему облегчению, взял на себя Тай, и ехать мы стали гораздо бодрее. Дорога петляла по холмам, поля сменялись лесами, те снова полями. Иногда мы проезжали через деревни. Не останавливались: на обратном пути еще будет время, чтобы выслушать жалобы местных жителей, разобраться с мелкими проблемами и записать, чтобы передать главе Фухуа, остальные.

Скучно, впрочем, не было.

Яньлинь вспомнила про шипастую плеть, которую я использовал в ущелье, и решила выпытать, как я додумался совмещать печати. К ней, конечно, тут же присоединился Белобрысый, и несколько часов они надоедали мне бесконечными просьбами показать печать еще раз, пока вконец достав, не были посланы ловить демонов на горе Кху Ям. Вэй, ничуть не расстроившись, вытащил из сумки чистый свиток и чернила и принялся что-то писать, точнее, черкать. Яньлинь увлеченно следила, время от времени поправляя.

От печатей разговор перетек к влиянию фохата различных оттенков на тонкое тело и использованию зелий для корректировки этого влияния. Над таким Яньлинь и старейшина Диши как раз трудились последние полгода.

Увлечшаяся подруга говорила о грядущем великом прорыве, который, несомненно, впишет имя ее наставника, а заодно и всех причастных, в историю Дома Колючей Лозы, сыпала названиями незнакомых мне растений как горохом. Белобрысый с умным видом кивал, притворяясь, что понимает, о чем идет речь. Я пытался медитировать и «не слышать», как в рассуждениях подруги то и дело звучало «Саньфэн». Если мне и предстояло быть вписанным в историю, то, похоже, только в качестве подопытного кролика.

К вечеру второго дня, когда мы почти добрались до места назначения, распогодилось. Уголек солнца наполнил воздух теплым рыжим светом, «зажег» поля огромным костром. Ве-

тер стих. Мир замер в неподвижности, словно пойманный кистью художника.

— Тихо-то как! — восхищенно протянула Яньлинь, запрокинув голову и глядя в выцветающий холст неба, по которому черными росчерками туши летел птичий клин.

— Подозрительно тихо, — хмуро буркнул Тай.

И в этот раз Вэй не стал дразнить его занудой и мнительным сусликом.

— Что-то не так, — тихо заметил белобрысый, напряженно глядя в сторону показавшихся на горизонте домов. — Ничего не замечаешь, Саньфэн?

Я перешел на тонкое восприятие, сосредоточился, пытаюсь уловить, что же смутило белобрысого. Поле фохата было слабым, но ровным. Спокойным. Под стать окружающему пейзажу, где даже козам было лениво переходить с места на место.

Слишком спокойным. В памяти невольно всплыло ущелье на Тяньмэнь, которое поначалу казалось таким же безобидным. Я помотал головой: Тяньмэнь — это Тяньмэнь, странно ждать чудовищ оттуда в мирной деревне, пусть и близкой к границе Серых земель.

Неприятный холодок под ребрами никуда не делся.

Лошади безбоязненно вошли в деревню, и я немного расслабился: если бы опасность была, животные бы первые почувствовали ее.

Повозка не спеша покатила по проселочной дороге..

В пыли у обочины с квохтаньем возились куры. Скулил пес. Дремала на крыше трехцветная кошка. Когда мы проехали мимо, она приоткрыла желтый глаз и проводила нас. Оборотень? На всякий случай я проверил, но кошка оказалась обычной кошкой.

— А где люди? — удивилась Яньлинь.

Подруга права. Ни сплетничающих женщин у колодца, ни выползших погреть кости на солнце стариков, ни играющих детей. Лошади и фургон должны были привлечь всеобщее внимание: в обычной деревне давно набежали бы любопытствующие, а за ними, когда люди понимали, что приехали заклинатели, подтягивались и просители.

Вот что, похоже, смутило Вэя и Тая. До заката еще около часа, но на полях мы не заметили рабочих. И пастуха возле стада не было.

Никого. Пока подъезжали к деревне, мы не видели ни одного человека! Словно их всех унесли демоны!

Глава третья

— Сидя на месте, мы ничего не выясним, — озвучил очевидную истину Вэй. — Предлагаю оставить повозку во-о-он под тем дубом, разбиться на пары и прочесать деревню.

— Мастер-конюший мне голову оторвет, если с лошадьми что-то случится, — нахмурился я. — А тратить фохат на защитный барьер...

— Отличная идея! — поддержала Яньлинь белобрысого. — А за лошадей не волнуйся, братец Саньфэн, у меня как раз есть подходящее зелье: если взбрызнуть им животных...

— То от них будет вонять так, что ни один грабитель не решится подойти? — ехидно спросил я.

Вэй прыснул.

— А вот сейчас и проверим на тебе.

Яньлинь извлекла из сумки пузырек с черной жидкостью и плеснула в мою сторону. Я отшатнулся, прикрывшись рукавом ханьфу, и едва не свалился с повозки.

— Сгинь, нечистый дух! Дитя скверны! — веселилась Яньлинь. Встретилась со мной взглядом, осеклась, испуганно повинулась: — Саньфэн, ты чего? Я пошутила! Она же закрытая!

Я вспомнил ту черную дрянь, что прожгла дыру в барьере возле обители на Тяньмэнь. Если бы она вырвалась на сво-

боду, поглотила бы и меня, и проклятую гору, и весь мир.

Вдох-выдох. Шестая мантра успокоения.

— Тоже пошутил. Ха-ха, — я выдавил улыбку, поспешил сменить тему: — Вэй прав, надо осмотреться. Может, тогда станет понятно, что тут произошло.

Белобрысый с Яньлинь озадаченно переглянулись.

Тай остановился у означенного дуба, и я первым соскочил на землю, потянулся, разминая затекшую спину.

Пока мы готовились к вылазке, Яньлинь окропила своим зельем повозку с лошадьми. Повеяло чем-то терпким, но запах тут же улетучился. Подруга с довольным видом повернулась к нам:

— Ну вот, теперь можем смело идти — ни одна зараза не сунется к повозке.

— Поделишься потом рецептом? — попросил Вэй.

— В обмен на рецепт той мази, за которой к тебе девчонки из Лозы бегают, — предложила Яньлинь.

— Твоей фарфоровой коже не нужны притирания и мази, только испортишь, — от этих слов подруга неожиданно смутилась, зарделась, а Вэй будто и не заметил: — Лучше дам тебе...

Тай выразительно кашлянул.

— Раз уж у вас много общего, — прищурился я, глядя на Вэя и Яньлинь, — идите вместе. На вас дворы по правую руку от дуба. Мы с Таем прочедем слева. Встречаемся здесь же через два часа.

— Час, — возразил белобрысый. — Солнце скоро сядет. Нечего шастать по темноте.

Левую сторону я выбрал с умыслом. Там, неподалеку от места, где мы бросили повозку, располагалось хозяйство дядюшки Дубу.

Чем ближе мы подходили к дому моей бывшей семьи, тем сильнее мной овладевала странная робость: словно внутренний голос нашептывал, что я не обязан встречаться с этими чужими, по сути, людьми, которые меня и за родню-то, наверное, никогда не считали. Но учитель Лучань говорил: «Тот, кто отвергает свое прошлое, не имеет и будущего».

С улицы дом ничуть не изменился. Скрипнула (дядюшка вечно забывал смазывать петли) деревянная калитка, пропуская нас во двор. Бросились в глаза выложенные речной галькой дорожки, которые расходились по всему двору: от калитки до хижины, к амбару, хлеву, птичнику и кухне. После частых в этих краях дождей двор каждый раз превращался в грязевое месиво, но с чего это дядюшка Дубу решил раскошелиться на камень? Захотел уважить старосту, который, помнится, частенько заживал в гости, обсудить дела за кружкой байцзю, которую сами они называли «рисовым чаем»?

Удивительная штука память, хранит в себе даже такие

бесполезные мелочи!

На первый взгляд, во дворе всё было как обычно. При более внимательном осмотре замечались перевернутое ведро у колодца, брошенная где попало мотыга, снующие по двору наседки, которых к этому часу уже запирали в птичнике.

Казалось, вся семья побросала дела и куда-то поспешно ушла. Словно спасалась от чего-то.

Хлопнула дверь хижины.

Я вздрогнул и чуть было не запустил в нее «Роем шипов».

— Сквозняк, — успокоил меня Тай.

— Вряд ли мы что-то отыщем во дворе, — сказал я. — Давай проверим дом.

Тай кивнул, соглашаясь. Последний час он был непривычно молчалив и сосредоточен, и я заметил, как на подходе к хижине, он сложил пальцы в боевую фигуру. Разумная предосторожность.

Держа наготове печать, я отворил дверь и шагнул в темноту.

Следом, опередив меня, в помещение ворвался сияющий салатовым световой шар. Резануло по глазам, но Тай тут же пригасил яркость.

Когда зрение обрело четкость, я огляделся. Мы находились в узком проходе, разделяющем вход и жилую часть дома. Ни сандалий на полу, ни доули [коническая шляпа с широкими полями] и плащей на стенах не обнаружилось — похоже, предположения верны, и хозяев дома нет. Но ради при-

личия я все же постучал во внутреннюю дверь.

— Дядюшка Дубу, тетушка Жуйпин, — позвал я, и собственный голос показался чужим. — Доброго вам вечера. Разрешите войти? Это Саньфэн.

Молчание в ответ. Ни звуков возни, ни скрипа половиц.

Я толкнул дверь.

В бледно-зеленом свете шара общая комната напоминала обитель призраков — мрачную и безжизненную. На низком обеденном столике мы обнаружили миски с недоеденным рисом и овощами. Я склонился, принялся: пища отдавала кислым душком, а значит, ей уже несколько дней. Почему хозяева прервали трапезу? Спасались от пресловутого проклятия Серых земель, о котором, заикаясь, твердил перепуганный насмерть мальчишка?

Мы с Таем осмотрели весь дом, но так и не приблизились к разгадке.

В одной из комнат мне попался на глаза потрепанный тряпичный тигр. Моя первая и единственная игрушка. Тетушка Жуйпин сама сшила ее из куска грубой конопляной ткани, набила соломой и раскрасила отваром луковой шелухи и углем. Не имея друзей среди деревенских ребят, я считал игрушку лучшим другом, делился с ней печалью и радостями, защищал от загребущих лап двоюродного брата.

Как-то я спросил тетушку, почему она сделала мне именно тигра, а не другое животное. Она улыбнулась — светло и грустно, потрепала меня по голове и ответила: чтобы спра-

виться со всеми невзгодами, у меня должно быть сердце тигра, а потому мне нужен подходящий учитель. Наверно, тетушка придумала это на ходу, не зная, как еще утолить мое детское любопытство.

Я держал в руках тряпичного тигра из моего детства, тербил застежку для одежды в виде стилизованного солнца из черного металла, которым тетушка украсила хвост игрушки, и ощущал, как вместе с воспоминаниями на меня накатывали странные необъяснимые чувства...

— Ты знал людей, которые тут обитали? — неожиданно спросил Тай, вырывая меня из омута памяти.

— Это дом моего дяди, — кивнул я. — После смерти матери я жил у него, пока меня не забрал учитель Лучань.

— А твой отец?

Я ответил не сразу. Мял в руках тряпичного тигра и глядел в его непроницаемые угольные глаза.

— Я его никогда не встречал. Он сбежал из деревни еще до моего рождения.

— Прости, — негромко сказал Тай. — Мне не следовало спрашивать.

— Все в порядке. Пойдем осмотрим другие дворы. Может, там найдем какие-то зацепки.

Тряпичный тигр остался лежать на полу. Не знаю, обрел ли я, как надеялась тетушка, сердце тигра или нет. Но теперь у меня есть настоящие друзья, которые всегда готовы выслушать и помочь, и я больше не нуждался в старой детской иг-

рушке.

Мы покинули дом, молча пересекли пустой двор и соби-
рались было выйти за ограду.

— Погоди, — остановил меня Тай. — А это что такое?

Он поднял с земли пучок сухих колючих стеблей, пере-
тянутых шерстяной нитью. Судя по почерневшему краю, их
явно жгли. Я не слишком хорошо разбирался в травах, но на
сбор, которым крестьяне окуривают двор от злых духов, это
походило мало. Да и вряд ли бы хозяева бросили его здесь
— испугались бы возможного пожара.

— Ты знаешь, что это? — поинтересовался я у Тая.

Тот неопределенно качнул головой.

— Вроде тут есть белена и вербена, но я не уверен...

Я вытащил из сумки кусок льняной ткани, аккуратно взял
через него пучок трав и надежно завернул.

— Покажем Яньлинь и Вэю. Надеюсь, они поймут больше.

Спрятав сверток, я закинул сумку на плечо и направился
к калитке. Здесь нам больше делать нечего.

Мы обошли еще пять дворов, и везде нас ждало одно и
то же: брошенные впопыхах инструменты и вещи, испортив-
шаяся еда, давно остывшие угли в очаге, некормленная ско-
тина. И никаких признаков борьбы. Жители внезапно поза-
были про насущные дела и утопали неизвестно куда.

В трех из пяти дворов мы отыскивали такие же опаленные пучки трав, как и у дядюшки Дубу. Подозреваю, что и в остальных дворах они были, но то ли ветром унесло, то ли мы просто не заметили.

Почему-то я был уверен, что Вэй и Яньлинь обнаружат точно такие же подклады.

Солнце закатилось за горы, и на деревню обрушилась темнота. Тратить фохат на светящиеся шары, чтобы обнаружить в очередном дворе те же признаки запустения и проклятые пучки трав, я не видел смысла. Посоветовавшись с Таем, мы повернули к месту нашей стоянки.

Приглушенный свет, исходивший из повозки, мы заметили издалека Вэй и Яньлинь сидели на козлах и негромко переговаривались.

— А вот и ночные странники Окраины пожаловали, — махнул нам рукой белобрысый. — Мы уж беспокоились, не сожрали ли вас демоны.

— А чего тогда сидели и трепались? — пристыдил его я. — Спасение, взаимовыручка — вам знакомы эти слова?

— И где же тот бедный демон, которого надо спасти? — притворился, что встает, Вэй. — У него наверняка теперь несварение желудка — после зануды и колючки.

Тай послал белобрысого искать демонов у владыки Загробного мира. Я лишь махнул рукой, устало прислонился к повозке — блуждания по дому детства и связанные с ним переживания неожиданно забрали много сил.

— Как поиски? — поинтересовалась Яньлинь. — Обнаружили что-то интересное?

Я достал из сумки сверток с травами и протянул ей. Подруга развернула ткань, нахмурилась и переглянулась с Вэем.

— Вижу, вам тоже знакомы эти травки, — заметил я.

— Ты поспорила, — белобрысый подмигнул Яньлинь. — А значит, когда вернемся в Дом, принесешь мне цю-цзи-тао [осенний персик] из сада старейшины Диши.

— Цю-цзи-тао? — недоверчиво переспросил Тай, переводя озадаченный взгляд с Вэя на Яньлинь.

— Да. А что такое?

— Дело ваше, конечно, — покачал головой Тай. — Просто в моей родной деревне, когда женщина обещает принести мужчине персик, это означает... ну... готовность к близости.

Яньлинь вспыхнула до корней волос, прожгла белобрысого яростным взглядом.

— Эй, я ничего такого не имел в виду, — начал оправдываться Вэй, на всякий случай отодвигаясь подальше. — Просто старейшина Диши в прошлый раз обещал оторвать мне руки, если снова застучает в своем саду!

— Обойдешься! — отрезала Яньлинь. — Без персиков!

— Мы же поспорили, — возмутился солнечный гений.

— Свидетели есть? Нет! Так что угомонись.

— Кончайте балагурить, — осек я парочку. — Сейчас не

время для шуток.

— Для шуток время есть всегда, — возразил Вэй. — А в темные времена, как нынешняя ночь, только они и помогают не сойти с ума.

У нас тут целая деревня, судя по всему, сошла с ума.

— Яньлинь, может, хоть ты расскажешь нам, что это за травы?

— Белена, дурман, корень мандрагоры... Вместе эти растения называют «травами забвения», — еще раз осмотрев пучок, ответила Яньлинь. — Они делают человека рассеянным, безразличным, внушаемым. А в большом количестве и вовсе ядовиты и могут привести к смерти. Потому и считаются дурными.

— Ну и зачем кому-то понадобилось травить целую деревню?

Яньлинь пожала плечами:

— Не знаю. Тем более что на открытом воздухе эффект довольно слабый. Если не использовать барьеры, ветер просто-напросто развеет дым.

— Но мы не заметили следов применения заклинаний, — возразил Тай.

— Неудивительно, — Вэй наконец-то посерьезнел. — Пока мальчишку привезли в Дом Шипа, пока послали голубя. Да и мы добирались сюда три дня. За такое время любой след улетучится.

— Хочешь сказать, что здесь замешаны заклинатели? —

спросил я. — Звучит...

— Бредово, согласен, — кивнул белобрысый.

Может, это очередное испытание, которое без предупреждения устроили нам наставники, чтобы посмотреть, как вчерашние ученики поведут себя в критической ситуации? Вряд ли: слишком сложно. Да и предчувствие у меня нехорошее.

Жители попали в беду.

Кто-то же все-таки жег дурман. И этот неизвестный достаточно хорошо разбирался в алхимии и был уверен в своих силах. Злоумышленник прекрасно понимал, что исчезновение целой деревни не останется незамеченным. Вряд ли хоть один мастер Дома Колючей Лозы осмелится бы на подобное без ведома главы Фухуа. Тогда остается... Меридиан? Зеленый Дом?

Серые земли и Меридиан? Не сходится...

— Горе! Великое горе! — раздалось невнятное причитание в темноте. — Небеса покарали нас безумием!

Вэй послал шар фохата вверх, заставив засиять во всю мощь.

В нашу сторону ковылял старик. Голова свесилась на грудь, руки повисли плетьюми. Расхристанный, в порванном халате, с копной клочковатых волос, старик шаркал, подволакивая ногу и тихо завывая. Когда старик подошел поближе, я неожиданно узнал его.

— Староста Чэнь Дэ?..

Хоть прошло двенадцать лет, хоть важный пышущий здоровьем мужчина сейчас напоминал поднятого из могилы цзянши, это точно был староста!

Чэнь Дэ покачнулся, начал заваливаться набок, словно силы внезапно покинули его. Я спрыгнул с повозки, подхватил старика, не позволив упасть.

— Уважаемый Чэнь Дэ! Мы прибыли из Дома Колючей Лозы, чтобы помочь деревне. Меня зовут Саньфэн. Возможно, вы не помните, но я жил здесь, в доме дядюшки Дубу...

— Саньфэн? Староста вдруг оживился, вскинул голову и впился в меня выпученными глазами.

— Дитя сквер-р-рны, — прорычал он. — Ты обрек всех на гибель... а теперь вернулся, чтобы забрать оставшихся?!

Староста схватил меня за грудки и принялся остервенело трясти.

— Проклятие Серых земель пришло за тобой! Но ты спрятался за ханьфу заклинателей из Дома, и они забрали жителей деревни! Это ты виноват, твой отец, твоя дура-мать, что поддалась сладким речам этого демона!..

Я оттолкнул безумного старика, и тот повалился на землю. Ощутил, как прорастают сквозь кожу шипы на руках. Я не знал своей матери, но если она, эта женщина, имевшая смелость дать жизнь ребенку скверны, хоть чуть-чуть походила на тетушку Жуйпин...

Передо мной возник белобрысый.

— Не надо, Саньфэн, — мягко сказал Вэй. — Демоны за-

владели его рассудком, это они говорят через него. Лучше скройся пока из виду. Мы тут сами разберемся.

Вдох-выдох. Пятая мантра успокоения. Я залез в повозку, открыл горлянку с водой. Глотнул, закашлялся.

— Как ты, Саньфэн? — ко мне осторожно заглянула Яньлинь. В ее глазах плескалось беспокойство, а в голосе слышалось смятение. — И... прости за ту шутку, с зельем.

— Не бери в голову. Все... в порядке.

Вэй прав: нет ничего глупее, чем переживать из-за слов безумца.

Я прислушался к происходящему снаружи. Белобрысый что-то говорил — спокойно, убежденно, но не давая старосте вставить и слова, и я сам начал успокаиваться. Что-что, а забалтывать людей Вэй умеет — неоднократно убеждался на собственной шкуре. Глядишь, выясним, куда подевались все жители и что из себя представляет это проклятие...

— Проклятье на ваши головы, исчадия скверны! — внезапно перебил Вэя староста. — Думаешь я отдам тебе свою душу, мерзкая хули-цзин?! Сдохни, тварь! Вы все, сдохните!..

Всколыхнулся фохат. Белобрысый? Вскрикнула Яньлинь, прикрыла рот ладонью. Выругался Тай.

Я выскочил из повозки, призывая шипастую плеть.

Обезумевший староста, распластавшись, неподвижно лежал на земле. Из его груди торчала рукоять ножа. А над мертвецом склонился Вэй.

Глава четвертая

— Что случилось? — я испытующе смотрел на Вэя. — Ты... его убил?

Солнечный гений глянул на меня так, словно я отвесил ему пощечину.

— Не-а. Он сам, — язвительно отозвался белобрысый, загундосил: — Вытащил ковыряльник и как всадит себе в грудь! А что кровь на моих руках, это я помочь пытался. Честно-честно, так все и было, господин судья!

— Вэй не трогал старика, — вступился за белобрысого Тай. — Тот сам бросился на нас, споткнулся и напоролся на свой собственный нож. Извечный Свет, и откуда только достал?!

— Из ножен на поясе, — Вэй указал пальцем в сторону тела старосты. Я подошел поближе, разглядывая мертвеца.

— Прости, — повинулся перед Вэем. — Ты...

Я замялся, и первый ученик «подсказал»:

— Я веду себя как придурок, а не убиваю их.

Шутка прозвучала неуместно, но я понял, что белобрысый на меня не в обиде — и то рис.

— Хотя, признаться, я недооценил глубину его помешательства, — продолжил Вэй.

— Наверно, надо его похоронить, — подала голос Янь-

линь. — Я видела кладбище перед въездом в деревню.

— Погоди, — Вэй склонился над телом. — Сначала осмотрим. Вдруг найдем что-то интересное.

— Например, дырку на нижней рубаше, — скептически предположил Тай.

Проигнорировав подначку, Вэй без лишних церемоний распахнул засаленный халат, поморщился от вони немытого тела:

— Определенно, старосте было не до водных процедур последние несколько дней.

Повинуясь воле хозяина, световой шар опустился ниже, позволяя рассмотреть детали: седые волосы в подмышках, выпирающие ребра, пигментные пятна на дряблой, тонкой, как рисовая бумага, коже. Зрелище, конечно, было малопривлекательным, но ничего странного я не заметил.

Вэй меж тем выпростал руки старосты из рукавов халата, внимательно осмотрел их. Не найдя ничего занимательного, перевернул тело на живот. Выделяющиеся лопатки, кривой позвоночник, впалая поясница. Как и любой крестьянин, староста не гнушался физической работы. Как и предположил Тай, дырка на локте и впрямь оказалась самой значимой находкой.

— Любопытно, — произнес он, — почему его не тронули?

— Не сочли достойным... — предположил Вэй.

Тай хотел было уточнить, достойным чего, но заметил подозрительно невинное выражение лица белобрысого.

— Похоже, кому-то слишком весело, — буркнул Тай. — И откуда в тебе берется это желание дурачиться?

— Обращайся, — белобрысый отвесил шутовской поклон. — Поделюсь.

— Либо похитители не хотели возиться с безумцем, либо он вовремя схоронился, и его попросту не заметили, — оборвал я перепалку. — Чего теперь гадать? Старик нам уже ничего не расскажет.

А жаль. Доставь мы Чэнь Дэ в Дом, старейшина Диши наверняка смог бы вернуть ему разум.

Тай вздохнул. Белобрысый тоже украдкой нахмурился: хоть Вэй и хорохорился, похоже, происшествие расстроило его сильнее, чем он стремился показать.

Тай наотрез отказался ночевать рядом с покойником: вдруг он посреди ночи превратится в цзянши и начнет выть? Вэй был более рационалистичен и заметил, что один самоубийца, даже оживи он, может оказаться не самой большой неприятностью, хоть и дурно пахнущей. А потому во избежание лишних проблем предать тело старосты земле решили сразу, не дожидаясь утра.

В сарае одного из ближайших дворов нашелся обрез конопляной ткани, которым обычно укрывают овощи от солнца и птиц. Там же мы прихватили и пару лопат. Тай, кото-

рого соседство с покойником явно нервировало, сбежал на козлы. За ним, виновато улыбнувшись, последовала и Янь-линь. Нам с Вэем ничего не оставалось, как составить компанию мертвецу.

Разговаривать не хотелось, и я смотрел в ночь. Белобрысый, на удивление, тоже утомился и не спешил разгонять тишину своими шутками, за что я был ему признателен.

Повозка, подпрыгивая на кочках, неспешно катилась по ночному проселку. Небо подернулось серой пеленой, словно желая отгородиться от покинутой деревни. Порыв ветра взметнул опавшие листья и дорожную пыль. Где-то вдалеке завыл оголодавший пес.

Надо будет завтра пройтись по дворам и выпустить скотину. А то и добраться до соседней деревни: пусть пришлют сюда кого-нибудь присмотреть за брошенными животными. А то и вовсе заберут себе, пока хозяева не вернуться. Если вернуться... Что скажут в Доме, когда получат отправленного нами голубя?

Уйдя в свои мысли, я не сразу заметил, что повозка остановилась.

— Не спи! Покойник за пятку укусит! — похлопал меня по плечу Вэй. — Проводим достойно дух старика к предкам, тогда и дрыхни сколько влезет.

Тай остановил повозку у склона холма, на котором местные издавна хоронили усопших. Найти участок семьи Чэнь удалось легко: род был старый и в деревне уважаемый, а по-

тому занимал одно из центральных мест на погосте.

Каменистая земля поддавалась неохотно, но после часа усилий, стерев до мозолей непривычные к подобным занятиям руки, мы выкопали достаточной глубины яму, куда и опустили завернутое в конопляную ткань тело. Мысленно извинившись за скромные проводы, я извлек из-за пояса ханьфу несколько монет и бросил в могилу: старику будет, чем расплатиться с перевозчиком через Хуанцюань [«Желтые источники» — символический аналог реки, разделяющей мир живых и мир усопших] и дать взятку Небесным писарям, чтобы смягчить приговор на суде Яньло Вана. Вэй добавил оберег от злых духов, а Яньлинь какую-то свою настойку.

Пока мы с белобрысым зарывали могилу, Тай притащил откуда-то средних размеров булыжник. Мы установили его в изголовье вместо памятной таблички. Постояв несколько минут над камнем и пожелав душе старосты скорейшего возвращения в священные горы Дао, мы сочли долг перед мертвым исполненным и решили позаботиться о нуждах живых.

Ночевать в покинутых крестьянских хижинах не хотелось, поэтому мы расположились в бамбуковой роще с другой стороны деревни. Пока Вэй с Яньлинь разводили костер и обустроивали стоянку, я и Тай сходили за водой к колодцу.

Вскоре аромат бамбуковой похлебки заполонил всё вокруг. Хотя мы порядком и устали за день, да еще злополучная встреча со старостой выбила из колеи, ели все с аппетитом. Тай даже добавки попросил, а Вэй щедро отсыпал ком-

плиментов поварскому искусству Яньлинь, чем смутил ее до крайности. Смушение, впрочем, длилось недолго, и через несколько минут два наших доморощенных зельевара уже спорили, какой соус лучше — из красных бобов или сои и меда. Кажется, выходку с персиками белобрысому простили.

После ужина, расположившись вокруг догорающего костра, мы наслаждались травяным чаем в который Яньлинь добавила пару капель успокаивающего зелья, и беседой.

Сперва обсуждали ситуацию: спорили, стоит ли дожидаться мастеров или сразу вернуться в Дом. В итоге сошлись на том, чтобы утром еще раз осмотреть деревню, а там решать. Затем Вэй заявил, что с него довольно наших унылых физиономий, и битый час развлекал нас историями из жизни легендарных заклинателей. Что из этого правда, а что белобрысый сочинял на ходу — не распознал бы и сам Чжи-юй [демон лжи, изображается с тремя ртами, питается человеческим лицемерием].

Мало-помалу успокаивающий чай возымел действие. Голоса становились все тише, паузы между фразами все дольше, и даже неугомонный Вэй всё чаще зевал. Первым сбежал Тай. Вскоре и Яньлинь ушла спать в повозку.

— Потянем палочки, кто первым будет дежурить? — предложил белобрысый.

— Избавлю тебя от необходимости жульничать, — отмахнулся я. — Так и быть, возьму первую стражу.

— Подозрительное великодушие с твоей стороны. Но воз-

ражать не буду.

Перед тем, как скрыться в повозке, Вэй сонно протянул:

— Чур, меня не будить. Если нападут демоны или припрется очередной безумец, прикопай его где-нибудь потихому сам.

Я метнул в него комок земли, но поганец успел опустить полог. Мелькнула мысль запустить к нему сколопендру, чтобы спалось веселее. Я представил, как Вэй, вопя, выскакивает из повозки в одном чжуньи, и усмехнулся. Вряд ли бы мне удалось подловить солнечного гения, но помечтать же никто не мешает?

Потрескивал костер, языки огня игриво выгибались, словно танцовщицы на празднике Урожая. Я замороженно глядел на пламя, отпустив мысли и тревоги.

А затем из глубины убаюканного сознания всплыло перекошенное лицо старосты. Брызжа, безумец выплюнул: «Эты виноват, твой отец, твоя дура-мать, что поддалась сладким речам этого демона!...»

Я вздрогнул, выскочил из сладкой полудремы. Чуть не уснул! Проклятый образ старика хоть и взывал раздражение, появился весьма вовремя. Я поднялся, подбросил веток в костер, зачерпнул ладонью воды из ведра, протер лицо. Прошелся вокруг лагеря, проверяя целостность ограждающей печати, прислушался к пространству вокруг: все спокойно.

Вернувшись к костру, уселся на подстилку. В голове кру-

тились мысли об отце. Демон? Дитя Скверны? И чего меня так зацепили глупые деревенские суеверия?! Люди готовы бояться всего непонятного и чужого, Спятивший старик сам не знал, что говорит. Его слова — чушь, которая не имеет под собой никакого основания!

Не имеет ли?..

Тогда что за сила откликнулась на мое отчаяние на Тяньмэнь?

Кто-то был рядом. Обсидианово-черный зверь, сотканный из теней, молча смотрел на меня из ночной тьмы. Готовый пожрать все вокруг, он чего-то ждал... Моей слабости? Моего приказа? Неужели хозяин этого чудовища — я?..

Звякнул внутри незримый колокольчик, и я очнулся. Кто-то действительно был рядом и только что пересек сигнальный барьер.

Я вскочил, призвал «Рой шипов», замер, напряженно всматриваясь во тьму.

— Поздновато для гостей, — заметил вылезший из повозки белобрысый, поигрывая миниатюрной лозой в ладони.

— Эй! — крикнул, спрыгивая следом, Тай. — Мы знаем, что ты здесь. Выходи к костру. И без фокусов.

Молчание.

Я создал световой шар и послал его в сторону, где был нарушен барьер. Из темноты проступили стволы бамбука, ковер из пожухлых листьев. Неестественно бледное лицо. Человек испуганно отшатнулся, упал.

Мы разом бросились к краю барьера, обнаружили лежащего без сознания мужчину.

— Вам не кажется, что два покойника для одного вечера перебор? — заметил Вэй. — У меня нет никакого желания рыть еще одну могилу.

— Живой он, — успокоил я солнечного гения: пульс под пальцами бился слабо и часто. — Просто, похоже, испугался одного белобрысого лиса, упал и ударился головой.

Я повернулся к Яньлинь:

— Сможешь привести его в чувство?

— Есть у меня одно средство. Сейчас принесу.

Подруга умчалась к повозке, а я тем временем внимательно оглядел нежданного гостя. Мужчина средних лет, судя по простой в заплатках конопляной рубашке и подвязанным веревкой штанам, крестьянин, возможно, даже из местных. Одежда была грязная и порвана в нескольких местах, будто беднягу привязали к лошади и тащили сквозь заросли терновника.

— Давай хоть к костру его перенесем? — предложил Вэй.

Почти потухшее пламя, получив порцию хвороста, разгорелось ярче. Тай вытащил из повозки матрас, на который мы и положили мужчину закутали в шерстяное одеяло, а Вэй еще и опутал сверху лозой, на всякий случай, во избежание очередного самоубийства.

— Подвинься, — Яньлинь оттеснила нас от лежавшего без сознания мужчины, приоткрыла ему рот и влила немного зе-

ля бирюзового цвета.

Незванный гость замычал, закашлялся и открыл глаза. Дернулся, пытаясь освободиться.

— Тише-тише. Все в порядке, — успокаивая, склонилась над ним Яньлинь. — Мы заклинатели из Дома и не причиним тебе вреда.

— Заклинатели? Из Дома? Настоящие? — страх сменился настороженностью.

— Да. Из Дома Колючей Лозы. Меня зовут Яньлинь. Это адепты Вэй, Тай и Саньфэн, — заметив, как тот с интересом посмотрел на котелок, Яньлинь приподняла мужчине голову, взяла чашку с остывшим травяным чаем. — Пообещай не глупить, и мы тебя развяжем.

— Никак и впрямь заклинатели, — согласился тот, напившись. — Хвала Великому Дракону, я спасен!

— Ты из этой деревни, — утвердительно сказал Вэй, после секундного колебания развеивая связывающую крестьянина печать.

— Нет, господин. Из соседней. Как малец тот дурной явился, староста и спрашивает: «Кто храбрый, кто сходит и выяснит, что за беда в Няньшань?». Только все как гуси, головы под крыло попрятали. Один только Бао Тун и вызвался.

Значит, перед нами тот пьяница, о котором упоминалось в послании?

— Так ты знаешь, что то здесь случилось? Куда все подевались?

Крестьянин побледнел, казалось, он снова вот-вот лишится сознания. Яньлинь хотела было одернуть белобрысого, но я взял ее за локоть и покачал головой.

— Их всех демоны увели...

— Демоны? — скептически переспросил Тай, подозревая, что нам повезло наткнуться на очередного сумасшедшего.

— Они людьми притворялись, Яогуай меня побери, господин! За масками прятались. Артисты бродячие! Циркачи ряженные! Балаган тут устроили, ярмарку. Как всем головы задурили, тогда маски разрисованные сбросили, и враз стало видно, что демоны. А люди и не понимают, бредут за ними как стадо покорных баранов. И глаза... глаза у всех пустые... аж пробирает!

Балаган, артисты, демоны, бараны — ясности больше не стало.

— Давай еще раз. По порядку, — предложил Вэй. — Я правильно понял: после того, как вы нашли перепуганного ребенка, ты пришел в Няньшань и попал на праздник?

— Да, господин.

— И что было... на этом празднике?

Бао Тун пожал плечами.

— Пили, плясали, ели, пили, циркачей смотрели, снова пили... Ох, и хорошее у них было вино, скажу я вам, господин!

— Не заметил ничего странного? В поведении артистов.

— Артисты как артисты. Фокусы разные показывали,

шутки откалывали. Хорошие шутки, чуть живот не надорвал. Скакали будто в зад ужаленные. Танцевали — те в перьях здорово отплясывали, прям смотрел бы и смотрел. Фруктовым вином вот угощали. Благовония жгли, травы.

— Эти травы?

Яньлинь достала из сумки обгорелый пучок, найденный нами на заднем дворе дома дядюшки Ду Бу, протянула Бао Туну. Тот опасливо принюхался, задумался.

— Вроде как похожи. А может, и нет. Не знаю.

— Что все-таки случилось? — вернул себе ведущую роль в разговоре Вэй. — Ты попал на праздник. А потом?

— Я и говорю. Те, ряженные в перьях вороньих, отплясывали, а затем запели. Как запели, так все и «уснули». Даже те, кто по домам сидел, «уснули». Ходят, двигаются, а ничего не слышат, ничего не понимают. Как сомнамбулы. Замороженные, одно слово.

— А ты?

— И я «уснул», — кивнул Бао Тун. — А потом очнулся. Ли в шестидесяти отсюда, — добавил он. — Бао Тун умный, Бао Туну с демонами не по пути. Как демоны отвернулись, я шмыг в кусты и домой. Только, пока возвращался, заплутал чутка в наших болотах.

Замороженные? Мы недоуменно переглянулись. Ситуация с деревенскими чем-то напоминала наши злоключения в Лесу заблудших. Но ловушки леса действовали на одного-двух человек, здесь же под чужое влияние попала целая

деревня. Никогда не слышал ни о чем подобном. И никто, похоже, не слышал. Даже солнечный гений выглядел озадаченным.

— Всех заколдовали демоны, а деревенский пьяница — единственный, кто не поддался проклятию Серых земель? — скептически заметил Тай. — Ну-ну. Кто в здравом уме поверит этим рассказням?

— Говоришь, Бао Тун врун?! — возмутился крестьянин, порываясь встать. — Да Бао Тун в жизни ни слова лжи не сказал. Хоть вы господин и заклинатель, слова свои все же обратно возьмите, а не то...

— Тише, мы тебе верим, — успокоила Яньлинь, обернувшись к Таю. — Все жители деревни исчезли — и это не сказки. Возможно, похитители использовали не только травы, но и выпивку, а привычка к рисовой водке ослабила эффект от фруктового вина.

— Или, скорее, наш свидетель не успел надышаться трав, — разумно предположил Вэй.

— Ты прав. Но тогда староста...

— Куда увели деревенских? — спросил я, прежде чем наши зельевары, увлекшись теориями, позабыли, зачем мы собрались.

— Туда, — махнул Бао Тун в сторону болот. — Куда же еще?

Логично. Откуда еще могло прийти проклятие Серых земель, как не из них самих?

— Похоже, наше задание с каждым часом становится все интереснее и интереснее, — заметил Вэй после долгой паузы.

— Нет, — нахмурился Тай. — И еще раз нет. Мы не пойдем в Серые земли! Это исключено!

— Почему?

— Это слишком опасно!

— Если обычный человек там выжил, то уверен, и мы как-нибудь справимся. Саньфэн, Яньлинь, вы со мной?

В глазах белобрысого плясали сяо-гуй [мелкие зловредные духи, часто ассоциируются с проказами и бесовскими огоньками].

Отпустить этого придурка в Серые земли одного я не мог.

Глава пятая

Не так страшны демоны, как их малюют безрукие художники.

На взгляд обычного человека Серые земли, конечно, отличались от территории Домов, но не так уж и сильно. Поля сменились каменистой пустошью с выгоревшей, жмущейся к земле травой. Леса выродились в низкорослые чахлые деревья. А так — то же лоскутное одеяло просторов, глаза озер и горная цепь, подпиравшая небо на горизонте.

Для заклинателей разница была существеннее. Поле фохата почти исчезло, а вместе с ним и способность ощущать мир на тонком плане. Не знаю, как Вэй и остальные, а я казался себе наполовину оглохшим и ослепшим. Это напрягало — хотя бы тем, что враг мог обнаружить нас раньше, чем мы его.

Сильнее всего нас, конечно, выдавала повозка. Мы долго думали, стоит ли тащить ее с собой или доверить выжившему пьянице присмотреть и за ней, и за лошадьми, и в конце концов остановились на первом варианте.

Во-первых, повозка являлась артефактом, который при нужде создавал какой-никакой защитный барьер. Во-вторых, хоть за все время мы и не обнаружили никаких следов борьбы, кто знает, в каком состоянии жители деревни и не

понадобится ли нам транспорт. В-третьих, повозка опять же являлась артефактом, а разбрасываться артефактами Дома нам, вчерашним ученикам, никто не позволял.

В итоге, двое бежали в трех-четыре ли впереди, проверяя безопасность пути, благо сбиться с него нам не грозило — полторы сотни людей, прошедшие по степи, оставили четкий след. Двое ехали на повозке. Через какое-то время пары менялись. Сейчас на разведку ушли Вэй и Яньлинь.

Отсутствие тонкого зрения — половина беды. Вторая — то, что без фохата, возможности заклинателя мало чем отличались от возможностей обычных людей. Даже хуже, если вспомнить учителя Лучаня и мастеров Шипа. Вэй уверял, что нам подобная участь пока не грозит и пару лун мы легко продержимся на внутренних запасах без каких-либо негативных последствий. Но вот объема сосуда хватит всего на несколько старших или пару десятков младших печатей, и четыре кристалла фохата, выданные нам в дорогу, не сильно улучшали ситуацию. С зельями у нас тоже негусто.

В общем, сражаться мы сможем ярко, но очень и очень недолго.

Сражаться пока было не с кем. За полдня мы не встретили ни людей, ни чудовищ. Только высоко в небе хищно кружился сапсан, высматривая добычу. Да пару часов назад за нами увязалась грязно-белая собака, лопухая, коротколапая, с всклокоченной шерстью и, в целом, какая-то несуразная.

— Вали отсюда!

Тай не выдержал и попытался отогнать «хвост», используя одну из малых печатей. Собака отбежала назад, села, задумчиво склонив голову, потом снова потрусил за нами.

— Зря тратишь силы, — заметил я. — Она нас не трогает. Не обращай на нее внимания.

— Пока одна, не трогает, — мрачно возразил Тай. — Небось разведывает. А следом вся стая явится.

— Какая стая? Не придумывай. Еще не хватало бояться обычной дворняги.

— Откуда обычной дворняге взяться посреди Серых земель?

— Может, увязалась за кем-то из деревни. А затем потерялась.

Тай скептически хмыкнул, и я не стал спорить, вместо этого указал на машущего руками белобрысого впереди:

— Кажется, Вэй что-то обнаружил.

Солнечный гений спокойно ждал, пока мы подъедем. Я расслабился: была бы опасность, первый ученик вел бы себя по-другому.

— Что случилось?

— Ласточка выдохлась.

Вэй кивнул на сидевшую на земле Яньлинь. Неудивительно. В путь мы вышли затемно, а сейчас почти полдень.

— Просила же не называть меня так! — возмутилась та.

— Я любя. Со всем уважением к твоей красоте, уму и другим многочисленным талантам.

Яньлинь только вздохнула и отвернулась.

— Давай, сменю, — я спрыгнул на землю.

— Я бы предложил сделать привал, отдохнуть и перекусить, — покачал головой Вэй, усаживаясь рядом с подругой. — Они опережают нас минимум на три дня, так что час-два особой роли не сыграют.

Четверо тренированных заклинателей передвигались быстрее, чем толпа крестьян, среди которых были старики и маленькие дети, так что, при желании, мы нагоним их. Вот только чем обернется эта встреча — оставалось неясным, а потому выбиваться из сил было глупо.

Вчерашние лепешки подсохли и на вкус были так себе. Впрочем, наедаться от пуза все равно никто не собирался. Зато вода из Семи Чаш пришлась как нельзя кстати.

Собака улеглась поодаль, с интересом наблюдая за нами. Я мог поклясться, что выражение ее морды было по-человечьи ехидное.

— Не думаю, что логово этих ряженных находится далеко от границы. Так что в ближайшие пару дней мы наткнемся на него.

— А если нет? — возразил Тай. — Что тогда?

— Очевидно же! Будем ехать вперед, пока не свалимся с края мира прямо на голову Великой Черепахи Ао, — улыбнулся Вэй, вздохнул, наткнувшись на укоризненный взгляд мужчины. — Шучу же! Повернем назад, и тогда ты наконец успокоишься.

— Я был бы спокоен, если бы мы дождались мастеров, — буркнул Тай. — Вызови я недовольство старейшины Биня, то...

— Луну ходил бы с вытянутым, как у твоих лошадей, лицом, распугивая всех вокруг? — перебил Вэй. — Кажется, я догадываюсь, отчего у тебя до сих пор нет не только жены, но и близкой подруги. Никто не выдержал твое нытье! Почему ты вечно ищешь во всем отрицательные стороны?

— А что может быть положительного в том, чтобы тащиться неизвестно куда в поисках опасных тварей, которые увели в Серые земли жителей целой деревни?

— Дай подумать! Новые дороги, на которые не ступала нога заклинателя, — начал загибать пальцы Вэй, не обращая внимания на скептическое выражение на лице оппонента. — Отличная компания! Возможность наконец-то применить наши знания и умения в настоящем деле, опять же! А еще представь! Мы поймем этих ряженных, спасем жителей деревни. Получим награду от главы Фухуа и благодарность Дома. Тогда Фенчунь точно бросит тебе свой платок на празднике Луны [Речь идет об одной из традиций праздника середины осени. Если молодой человек поймает и вернет женщине платок, который она бросила во время танца, то он имеет шансы на романтические отношения].

— Она-то тут при чем?! — не сдержался Тай. — Фенчунь младше меня в полтора раза.

— И что? Возраст любви не помеха. Или рыженькая те-

бе не нравится? — уточнил белобрысый. — Сожалею, но остальные старшие ученицы и адептки заняты.

— Интересно, кем же? — язвительно уточнила Яньлинь.

— Исследованиями. Ты — исключительно исследованиями под руководством старейшины Диши. А конкурировать с уважаемым зельеваром ни у меня, ни у Саньфэна пока не хватит сил, — поддразнил Вэй. Обернулся к Таю. — Будешь тянуть время, и Фенчунь тоже уведут!

— Что бы ты еще понимал... — пробурчал Тай, которого упоминание рыженькой, похоже, задело за живое.

— Я понимаю, что никогда не откладывай на завтра то, что можно отложить на послезавтра: пользоваться шансом нужно сейчас или не пользоваться никогда. А потому хватит расслаживаться, — белобрысый поднялся. — Саньфэн, идем? Как насчет того, чтобы основать Дом поклонников Яньлинь?

— Не вмешивай меня в свои идиотские задумки.

Поднялся. Перевели дух — и хватит тратить время. Проблемы сами собой не решатся. Как гласит седьмая великая мудрость: кто не возделывает сад, не получит урожай.

К вечеру собаке надоело трусить за повозкой, и она скрылась в траве. Вэй, который последние полчаса пытался рисовой лепешкой подманить псину поближе, огорчился:

— Вот и куда она сбежала?! Мы ведь почти подружились.

— Решил примерить ханьфу Оранжевого Дома? — поинтересовался я. — Тебе не пойдет.

— Много ты понимаешь в мужском ханьфу! — возразил Вэй, задумчиво рассмотрел лепешку и, сочтя ее годной, откусил. — Давай лучше спросим у мастера в это вопросе. Эй, ласточка, как думаешь, к лицу мне оранжевый цвет?

— Очень, — отозвалась Яньлинь. — Сразу будет видно, от кого следует держаться подальше!

Вэй переборщил с шутками во время их последней совместной разведки?

Яньлинь внезапно свесилась с козел, что-то разглядывая в траве, а потом прыгнула на землю.

— А это уже обидно, — заметил белобрысый.

— Яньлинь, ты чего?! — окликнул я.

Вэй временами та еще язва, но вряд ли подруга из-за него решила бы демонстративно топтать пешком.

— Цзин цзе, — Яньлинь показала сорванный «колосок» с мелкими синими лепестками. — Крайне полезная травка. Останавливает кровь, снимает озноб.

— Помочь тебе? — предложил я.

— Вытоптать полянку? — искренне удивилась подруга. — Или ты беспокоишься за меня? Я нарву немного, и вас догоню.

До озера, которое мы присмотрели для ночевки, оставалось шагов триста, на много ли окрест не было ни единой

живой души. К тому же Яньлинь — заклинательница, и не самая слабая, а потому я молча кивнул.

Распряженные лошади мирно щипали пожухлую стелющуюся по земле траву. В воздухе висел терпкий горький запах ковыля. Озеро блестело серебряным зеркалом, в которое кокетливо заглядывала покруглевшая Чанъэ [богиня Луны]. Сегодня она не отличалась терпением и выбралась на небосвод еще до того, как солнце скрылось за горизонтом.

Низкорослый кустарник, росший по берегам, не годился для костра: сырые ветки горели плохо, давали много дыма и мало жара, но нам все-таки удалось испечь несколько лепешек. Горячие, с луковым соусом они показались нам изысканным блюдом.

Пока мы возились с ужином, начало смеркаться.

— Похоже, Яньлинь предпочла общество трав и местных духов, — заметил Вэй.

— А нечего было строить из себя знатока женских сердец, — злорадно заметил Тай.

— Пойду, позову ее, — я поднялся.

Стоило удалиться на пару десятков шагов от костра, и я оказался наедине с безлюдными Серыми землями. Над головой загорался светляками звезд небесный купол. Успокаивающе шелестела, колыхаясь волнами под ладонями ветра трава, над которой плыли языки тумана. Мир наполняла тишина — сонная, глубокая, всеобъемлющая.

Подругу я, скорее, почувствовал, чем увидел: в зеленом

ханьфу она была почти незаметна.

— Яньлинь!

Заклинательница подняла голову, а в следующий момент я заметил метнувшуюся из травы тень.

— Берегись!

«Плащ Лозы» я призвал инстинктивно, и бросившаяся на Яньлинь тварь, наткнувшись на препятствие, отлетела прочь. Извернулась, напала снова — на меня. Неведомым образом, просочилась сквозь созданную мной терновую завесу, внезапно оказавшись вплотную. Взвизгнула, получив в морду чистым фохатом, и... скрылась в траве.

Я развеял подставившую меня печать: пальцы слегка подрагивали при воспоминании об оскаленной пасти перед моим лицом. Обернулся к Яньлинь:

— Ты в порядке?

— Д-да, — подруга явно испугалась, но быстро взяла себя в руки. — Что это было? Как ты тут оказался?

— Ты задержалась, — ответил я на второй вопрос.

На первый я ответа не знал: зверь отдаленно походил на волка, поджарый, крупный, дымчато-серый. Быстрый и очень опасный

— Прости, братец Саньфэн. Кажется, я увлеклась.

Она сгребла выроненные травы, среди которых обнаружили не только синие колоски, но и красные звездочки, и еще какие-то корни, завернула обратно в ткань и убрала в сумку.

— Зачем вы обидели бедную зверушку? — поинтересовался Вэй, подходя. Незаметно развеял печать.

— Эта бедная зверушка едва не обидела нас!

— Она просто хотела поиграть...

— Можешь остаться и сам поиграть — и с ней, и со всеми остальными, кто явится.

Вэй обвел задумчивым взглядом горизонт, но заводить близкое знакомство с обитателями Серых земель и особенно их желудками не пожелал, так что к костру мы вернулись втроем.

— Чем вы там занимались? — поинтересовался Тай.

— Охотились, — отозвался белобрысый. — Тебе меховая накидка не нужна, случайно? Там, в поле, бегает.

Тай помрачнел, пробормотал под нос что-то про самоуверенных дураков, которых ничему-то жизнь не учит, на что белобрысый не преминул ответить, что уроки бывают разные и какие из них усвоить, человек выбирает сам. Завязался спор, в котором белобрысый, ожидаемо, переболтал всех.

Вечер прошел относительно спокойно. Но, помня о дымчатой твари, перед сном мы возвели барьер вокруг повозки и выставили часовых. Первая смена досталась Яньлинь.

Справа похрапывал Тай. Слева сопел Вэй.

Вдалеке, отзываясь дрожью земли, застучали барабаны. Где-то рядом, невидимая в темноте, завывла давешняя тварь — протяжно, тоскливо, зло, жалуясь на судьбу и злых людей, оставивших ее без ужина. Я поежился и на всякий слу-

чай еще раз проверил защитный барьер. .

Вокруг клубился туман. Глушил звуки. Скрывал все, что находилось дальше вытянутой руки. Время тоже растворялось в тумане, и я не знал, сколько уже брожу в этом месте. Как я очутился здесь?

Я кого-то искал? Меня кто-то звал?

Звал!

Когда я это понял, туман внезапно развеялся, и я обнаружил, что стою посреди безлюдной пустоши, а в десяти шагах, задумчиво подперев кулачком подбородок, сидела на камне уже знакомая мне по прошлым видениям заклинательница. Забранные в высокий хвост волосы черной шелковой рекой стекали на плечи. Темное с серебристым отливом ханьфу выгодно подчеркивало и белизну кожи, и изгибы точеной фигуры.

Прекрасная, как богиня! Или... демоница?

При воспоминании о пожиравшей мир черной плесени, я невольно попятился.

Покрытая то ли инеем, то ли налетом пепла трава хрустнула под ногами. Заклинательница обернулась, удивленно посмотрела на меня и даже, мне показалось, обрадовалась. Что-то спросила.

Я развел руками, показывая, что не слышу ее.

Девушка задумалась.

Взмахнула рукой и прямо из воздуха вытащила кисть для рисования, уверенно и мягко провела ей, оставив изящный след из белых искр. Склонила голову, оценивая результат, и, видно, удовлетворившись, уверенно нарисовала еще одну линию. А затем еще одну.

Что она делает? Я не знал, но выглядело красиво, словно танец, пусть вместо положенного веера в ее руках была кисть. Я не шевелился, боясь отвлечь и помешать.

Постепенно линии начали складываться в картину. Проявились глаза под дугами роговых отростков. Обозначилась пасть и когтистые лапы. Встопорщился гребень. Тонкое гибкое тело покрылось монетами чешуи.

Белый Дракон?

Она нарисовала Великого Дракона?

Незнакомка закончила символ Белого Дома, игриво щелкнула пальцами по лбу дракона. И тот внезапно ожил! Потянулся, стряхивая пыль и разминая лапы, облетел вокруг создательницы, словно желая обнять, а затем резко взмыл вверх.

Мир начал наливаться цветом. Изумрудной зеленью трав. Пламенем цветов. Лазурью неба.

Дракон извивался шелковой лентой, то устремляясь в зенит, то проносясь над самой землей, то оказываясь так близко, что поднятый им ветер обдувал кожу, принося запах хризантем, и трепал полы моего ханьфу. Но едва я тянулся кос-

нуться гибкого тела, он устремлялся прочь, словно предлагая поиграть с ним в догонялки. На провокацию я не поддался, понимая, что не мне соревноваться с ним в скорости.

Заклинательница между тем, сосредоточенно прикусив губу, начала новый рисунок. Только тушь теперь была такой же густой и темной, как безлунная ночь. Спустя несколько минут рядом с ней в воздухе повис матерый черный тигр со взглядом затягивающим, как бездна.

Оживший зверь мягко спрыгнул на землю, потряс головой, разбрасывая черные капли. Огласил мир рыком, продемонстрировав внушительные клыки, а затем ринулся навстречу дракону.

Свет и тьма столкнулись. Сражение началось.

Черная и белая молнии носились в небе, то встречаясь друг с другом, то расходясь, чтобы в следующее мгновение схлестнуться вновь. Извечные враги. Противоположности. Я не знал, кому из них желаю победы. Точнее, я не желал поражения никому. Оба творения были столь совершенны, что мир потеряет ровно половину своего очарования, если одно из них погибнет.

Я украдкой покосился на заклинательницу: не хочет ли она вмешаться. Но та, скрестив руки на груди, внимательно наблюдала за боем и выглядела до ужаса довольной.

Что ж. Это и правда был красивый бой. Совершенный.

Тигр и Дракон не уступали друг другу — ни в скорости, ни в ловкости... ни в ярости. Или то была страсть. Страсть?

Тигр и Дракон не сражались, танцевали. Каждый из них был сам собой, и в то же время они составляли одно целое.

Когда я это понял, заклинательница протянула мне руку, улыбнулась, словно тоже приглашая на танец. Я потянулся навстречу, собираясь принять ее приглашение... и проснулся.

Сон оставил в груди щемящее чувство пустоты, обманутых ожиданий, будто мне обещали какое-то сокровище, но захлопнули крышку сундука прямо перед носом.

А еще мне казалось, я уже видел тигра и дракона раньше. Вот только не мог вспомнить, когда и где.

Я посмотрел на товарищей: Яньлинь за полупрозрачной ширмой закуталась в тонкое одеяло, Тай наоборот раскинулся, будто собираясь обнять небо — и, стараясь никого не разбудить, выбрался из повозки. Заря выбелила горизонт, вызолотила перья облаков, но солнце еще не осчастливило мир своим появлением. На траве блестела роса. Мир окутывало то редкое спокойствие, которое наступает только в предрассветный час.

— Чего бродишь? — поинтересовался Вэй с крыши повозки.

— Выспался, — я забрался к нему и уселся рядом. — Медитируешь? А смысл? Здесь не получится восстановить за-

пас фохата извне.

— Знаю. Привычка. Успокаивает и помогает организовать внутренние потоки. Кстати, тебе бы тоже не помешало.

Сон ли так повлиял, или я до сих пор не восстановился после Тяньмэнь, но в тонком теле наблюдался небольшой хаос. Все-то белобрысый подмечает!

— Приснилось что-то необычное?

Всюду норовит сунуть свой любопытный нос.

— Ага.

Я тоже принял позу для медитации, сосредоточился на дыхании.

— Поделишься?

— Ты вроде дозорный? — огрызнулся я. — Вот и следи за окрестностями, а не за мной!

Вэй пожал плечами и демонстративно уставился на горы впереди.

Внезапно вспыхнувшее раздражение так же внезапно улеглось. Глупо получилось. Но рассказывать о том, что мне снова явилась незнакомая заклинательница, что она рисовала для меня, а потом приглашала на танец, не хотелось никому. А белобрысому почему-то особенно.

Глава шестая

Утро началось с размолвки.

Точнее, с неудачного эксперимента по зельеварению. Вэй перевел половину имевшихся у нас трав на нечто сомнительного вида и весьма специфического запаха.

— Вообще-то я доработал и воплотил вашу со старейшиной Диши теорию по стабилизации тонкого тела, — оправдывался он, пятясь от рассерженной Яньлинь, обнаружившей, что в процессе подготовки солнечный гений истратил какую-то невероятно редкую и нужную пыльцу. — Я уверен, что оно полезно и даже безопасно! Почти!

Желающих проверить это на себе не нашлось.

— Почти безопасно? Или почти уверен? — замерев на секунду, вкрадчиво уточнила Яньлинь.

Вэй задумался и чуть не пропустил стремительный рывок заклинательницы, увернувшись в самый последний момент.

— Ладно. Не хотите, как хотите! По крайней мере, мы можем использовать его, чтобы отпугнуть напавшего на нас волка.

Не знаю, как давешний волк, а вот нашим лошадям запах точно пришелся не по душе. Кобыла, рядом с которой оказался белобрысый, с ржанием встала на дыбы и чуть не вырвала поводья из рук Тая, собиравшегося запрячь ее в по-

возку. Копыта ударили по воздуху, едва не размозжив белобрысому голову — Вэй уклонился каким-то совершенно диким перекатом.

Яньлинь сочувственно посмотрела на всхрапывающую кобылу, вставшую между ней и белобрысым, махнула рукой и скрылась в повозке.

— И чего так злиться? — обратился к нам за поддержкой солнечный гений. — Всем же известно: без неудач не бывает успеха.

— Не надоедает же тебе тратить время и силы на всякие дурацкие эксперименты? — упрекнул Тай, успокаивая лошадей. — Оставил бы подобные вещи тем, кто старше и умнее.

— Однажды именно мы станем старше и умнее, — резонно возразил белобрысый, предусмотрительно усевшись подалше и с подветренной стороны. — Что будем делать тогда?

— Опирайтесь на чужой опыт, который ты почему-то не хочешь признавать. Я по-прежнему считаю, что нам следовало дожждаться мастеров, а не лезть в Серые земли самим.

— Чужой опыт, как и чужие башмаки, натирает мозоли. Чем ходить по проторенным тропкам, не интереснее ли проложить свою? Хватит бояться нового! С такими мыслями тебя никогда не возьмут в Старший Дом.

— Будто тебя возьмут! — неожиданно зло огрызнулся Тай, отталкивая куснувшую его кобылу. — Как бы ты ни хо-

рохорился, твой предел — старейшина на Украине. И чем раньше ты это осознаешь, тем проще тебе будет принять свое место в мире.

— Посмотрим.

— На что? — подозрительно уточнил Тай.

— На окрестности посмотрим, — Вэй одним плавным движением поднялся на ноги. — Если мы не хотим врасти тут корнями, пора выдвигаться. Саньфэн, пойдём, узнаем, что нас ждет впереди.

Я встал: пожалуй, мы и правда засиделись.

Вэй сразу же взял непривычно высокий темп, а потому поспевал я за ним с трудом. Белобрысый на ходу оборвал несколько колосков ковыля, пнул какую-то кочку, а после и вовсе — небывалое дело — выругался под нос. Похоже, спор задел его больше, чем солнечный гений хотел показать.

— Вот скажи, Саньфэн, я разве не прав?

— Вы оба правы. Или оба не правы, — заметил я. — Тай излишне мнителен и осторожен, а ты совершенно не видишь границ.

Вэй остановился, обернулся:

— Границы, да?.. Признайся честно, ты сам разве никогда не говорил, что однажды станешь заклинателем Белого Дома и будешь жить в Небесном городе в центре мира? — подловил меня он.

— Говорил.

— Вот!.. — назидательно ткнул пальцем в небо белобры-

сьй.

— Мне было шесть или семь лет, — добавил я.

— Значит, в семь лет ты был мудрее, чем сейчас.

Я только хмыкнул на такое заявление.

— Оглянись, — не уgomонился белоbрысый. — Что ты видишь?

— Серые земли.

— Мир, — поправил Вэй. — Огромный неведомый нам мир! Ты никогда не мечтал разгадать его загадки? Узнать, что скрывается там, за горизонтом?

О чем мечтал я? О том, чтобы вырасти сильным или даже сильнейшим заклинателем Дома Шипа, достойным своего учителя. Стать пусть не главой, но старейшиной. Жить вместе с друзьями, в мире и благополучии, время от времени оставляя в дураках соседей из Лозы. Возможно, когда-нибудь, через много-много лет, жениться. Возможно, найти ученика.

Но даже эти мечты оказались разрушены войной между Домами.

Теперь все, чего я хочу, это найти средство, которое поможет учителю Лучаню выжить, да разобраться, что на самом деле случилось у Пещер Эха. И в том, и в том шансы мои примерно такие же, как и у белоbрысого «увидеть мир»: десять—двадцать лет, и мы тоже окажемся неразрывно привязаны к Кристаллу.

— Глупо думать, что все будет так, как тебе хочется.

— Жизнь и так возводит достаточно преград. Зачем еще самому загонять себя в рамки? Мечтать, Саньфэн, нужно о великом, недостижимом! Все остальное — цели, которых можно добиться усердным трудом и терпением. Устремлять взгляд вперед, в небо! А не брести, уткнувшись в землю!

Белобрысый внезапно споткнулся и чуть не упал.

— Мечтая о великом, не забывай смотреть под ноги, — поддел его я.

— Знаешь, а это тянет на тринадцатую великую мудрость, — улыбнулся Вэй.

Поганец! Не мог ведь не оставить за собой последнее слово!

— Что? Выдохся, небожитель? — язвительно поинтересовался Тай. — Ненадолго же тебя хватило.

Вэй явно из упрямства решил доказать всем, что границы существуют только в наших головах, и за утро ни разу не попросил сменить его в разведке. Поначалу я не собирался отставать, но в конце концов вынужден был признать, что состязаться с белобрысым в выносливости мне пока рановато — полчаса назад вместо меня ушла вперед Яньлинь.

— Я обнаружил пропавших жителей! — объявил Вэй. — Там.

Он показал в сторону серебрящейся на солнце реки, вдоль которой то удаляясь, то приближаясь почти вплотную, мы двигались почти все утро.

— Если это твоя очередная дурацкая шутка, я поверну назад, а ты можешь оставаться и бродить по Серым землям, пока тебя демоны не сожрут! — пробурчал Тай, поворачивая повозку.

«Там» находилось в паре ли выше по течению и представляло собой вытянутый холм с крутыми каменистыми склонами, густо поросшими ивой и багульником. Река в этом месте изгибалась, окружая его с трех сторон. С четвертой была болотистая, ощетинившаяся осокой низина — похоже, в дождливый сезон, когда вода в реке поднималась, холм превращался в полноценный остров.

Влажная земля проминалась под ногами, и Тай не рискнул соваться туда с повозкой, опасаясь, что она застрянет. Тем более лошади вряд ли бы забрались по крутому склону.

Плакал навзрыд младенец. От воды веяло промозглой сыростью. В чахлой траве виднелись следы кострищ, возле которых лежали вязанки хвороста. С дальнего края ветер нес запах жареной рыбы, который смешивался с вонью нечистот от помойной ямы. Кое-где даже виднелись шалаши. Похоже, крестьяне основательно взялись за обустройство лагеря.

По прикидкам на вершине было сотни две человек, и все они смотрели на нас с робкой неуверенной надеждой. Опознав в Яньлинь травницу, ее тут же провели к лежавшему

на подстилке из обломанного камыша мужчине. Сквозь повязку на его бедре проступили темные пятна крови. Среди жителей есть раненые? Это плохо. В сложившейся ситуации они станут обузой.

— Значит, это вас послал Дом?

Трое крестьян, вышедших нам навстречу, хмурились: мы, конечно, были заклинателями, но, похоже, слишком молодыми, чтобы внушать доверие загорелым до меди, повидавшим жизнь мужикам, не растерявшимся даже в Серых землях.

— Да. Мы из Дома, — Вэй улыбнулся, и от улыбки его повеяло прекрасно знакомой мне опасной уверенностью, которая заставляла трижды подумать, прежде чем спорить с первым учеником. — А вы кто такие? Что произошло?

— Жэ Ху... господин, — слегка растеряв спесь, представился тот, что стоял чуть впереди: коренастый крепкий мужик с залысынами на макушке. — А случились демоны. Закружили, головы задурили... увели в эти проклятые земли.

Рассказ Жэ Ху почти не отличался от того, что нам ранее поведал пьяница Бао Тун: когда в Няньшань заявились бродячие артисты, на представление сбежалась большая часть жителей. Неудивительно: караваны и в Доме редкость, а уж в окраинные деревни и вовсе заглядывают раз в несколько лет.

Сам Жэ Ху был занят стрижкой овец — делом важным и ответственным, не терпящим отлагательств. И прерываться не собирался, даже выругался на ряженных, что завалились в

овин. А потому сильно удивился, когда спустя несколько минут (или полчаса?) внезапно обнаружил, что стоит, сжимая в руке ножницы, перед собранной из телег сценой. А после и вовсе пошел вслед за ряжеными в перья демонами — и понимал, что неправильно это, а остановиться не мог.

Очнулся уже неподалеку отсюда.

— Понятно... — протянул Вэй, оглядел временный лагерь. — Хоть и не все. Например, почему вы не вернулись?

— Серые земли же... Степные духи бесчинствуют, — подал голос один из спутников Жэ Ху. — Кто в их охотничьи угодья забредет, живым не отпустят.

— Как солнце закатилось, так и налетели, — подтвердил второй. — Целая стая. Серые, шустрые, на волков похожи. Насилу отбились, и то, потому что сюда забрались. Это сейчас река ушла, в дожди тут остров был. А всем известно, что бегущая вода — первейшее средство против демонов и злых духов. Но Юна все равно потрепали, почти до смерти.

Судя по тому, как пострадавший Юн ворчал на Яньлинь, смерть ему не грозила. Странно другое: упомянутые духи сильно походили на ту тварь, что навестила нас прошлой ночью. Если их было пять-десять, удивительно, что обошлось почти без жертв.

— Вот мы и решили отправить сыновей за подмогой, — продолжил между тем Жэ Ху. — А самим тут пока переждать. Вода есть. Рыба. Там дальше растет съедобный тростник. А днем мы дошли до леса и набрали земляных оре-

хов. Голодно, но если затянуть пояса, несколько дней продержаться можно.

Пожалуй, разумная рисинка в поступке крестьян была. Старики и дети не смогут идти быстро — придется на полпути останавливаться на ночлег. Здесь крутые склоны и река образуют естественную преграду, а вот в чистом поле защититься от стаи будет гораздо сложнее.

— Если вы тут, значит... посыльные благополучно добрались?

— Нет. Мы никого не встречали, — ответил Вэй. Несколько человек, вероятно, ближайших родственников помрачнело, и белобрысый поспешил успокоить: — Мы могли разминуться. Бао Тун же дошел до деревни...

Кто-то дернул меня за рукав, отвлекая. Я обернулся, опустил взгляд, обнаружил возле себя насупленного растрепанного мальчишку лет восьми, тощего, чумазого с той шкодливой физиономией, от которой непременно стоит ждать проказы. В карих глазах плескался страх, но и решимость тоже.

— Не бойся. Все будет хорошо, — успокоил я его. — Мы и вас выведем, и тех, кто потерялся, непременно найдем.

Потянулся потрепать ребенка по волосам, но тот увернулся.

— Вы можете... — он покосился на беседовавших с Вэем мужчин, и страх, казалось, стал еще сильнее. — Мне надо кое-что сказать... Важное. Только не здесь!

Я оглянулся на белобрысого и, решив, что если тот выяс-

нит что-то полезное, то потом перескажет, последовал за ребенком. Мальчишка потащил меня... в заросли. Точнее, в просвет между двумя кустами принсепии, за которыми оказалась крошечная проплешина берега. Там нас встретили еще двое мальцов, тоже растрепанных, чумазных и с почти таким же, как и у первого, испуганно-сосредоточенным выражением на лицах.

— Ну и что у вас случилось?

Мальчишки переглянулись, и один из них, показавшийся мне самым серьезным, неохотно выдавил:

— Господин заклинатель, это мы виноваты!

— Виноваты в чем? — не понял я.

— Что демоны пришли и всех забрали! — сердито, злясь на мою недогадливость, выпалил тот малец, что привел нас.

— К Цинь Эр сын старосты сватался...

— Цинь Эр — это моя старшая сестра, — вклинился третий мальчишка, долговязый и лопоухий.

— Так вот к его сестре, — шкодник указал на своего товарища, — посватался сын старосты. А в деревне всем известно, что он хуже собаки и гаже свиньи!

— И Цинь Эр он не нравился.

— Она в моего старшего брата влюблена, — тихо добавил серьезный.

— А родители побоялись отказать старосте, — вздохнул лопоухий. — Иначе жизни потом не дадут.

— Моя прабабка была ведьмой, — снова перебил шкод-

ник. — И она говорила, что у старой дороги, ведущей мимо Гнилых болот, на границе Серых земель растет дуб, в который ударила молния. И если на рассвете произнести нужные слова, то за недругом явится проклятый дух.

— Чтобы дух тебя самого не тронул, нужен особый амулет.

— А для вызова травы, шерсть черной кошки и...

— Вот мы и решили...

— Так, стойте! — запутавшись в их гомоне, оборвал я мальцов. — Вы втроем пошли к старой дороге...

— Вчетвером, — поправили меня. — С нами еще Гюрен был.

Кажется, так звали мальчишку, который принес весть о проклятии.

— Вы вчетвером пошли к сгоревшему дубу и провели обряд, о котором рассказала вам ведьма-прабабка?

— И он сработал! — с неуместным восторгом добавил шкодник. — Как прабабка и говорила, из тумана вылезли твари, на людей похожи, но уродливые до жути. И забрали... всех забрали, кроме Гюрена с амулетом, — уныло добавил мальчишка, вспомнив, что жертвами «проклятия» стали не только ненавистный жених и его семья, но и вся остальная деревня.

— Дом нас теперь накажет? — робко уточнил лопоухий. — Только сестру не трогайте! Она о нашей затее ничего не знала. Честно!

— И их не трогайте, — прикусив губу, решительно заявил шкодник. — Это я предложил провести обряд, значит, я и виноват!

— Но Цинь Эр — моя сестра...

— А я украл амулет из малого святилища...

— Тихо! — оборвал я снова поднявшийся галдеж. — Попытка использовать темное заклинание — серьезный проступок..

Не говорить же им, что сообщение Гюрена о «демонах» по чистой случайности привлекло внимание Дома, выиграло время (иначе нападение на деревню могли обнаружить гораздо-гораздо позже) и поэтому, возможно, спасло жителей. Тем более что иногда такие вот нелепые ритуалы и впрямь срабатывали, приводя к печальным последствиям — и для самого горе-заклинателя, умудрившегося разозлить природных духов, и для всех, кто случайно оказывался рядом.

— Мне придется рассказать о том, что вы натворили, вашим родителям.

Мальчишки приуныли: похоже, даже гнев Дома пугал их меньше.

— Амулет я тоже заберу.

Наверняка, обычная безделушка, но проверить стоит.

— Мы его потеряли...

— Когда демоны явились...

— Или, наверно, Гюрен утащил...

— А ну молчать! — их сорочий гвалт все же вывел меня

из себя. — Сейчас я говорю, вы слушаете. Кто еще раз откроет рот без разрешения, того я отведу в Дом и... — я задумался, чем бы припугнуть сорванцов, вспомнил нелепые рассказы Шу после того, как нас с Хуошаном застукали в хранилище, — скормлю домашним демонам старейшины Тэнг Биня.

В конце концов, не все же Кукольнику портить мне жизнь, пускай его репутация хоть немного послужит на пользу делу.

Через десять минут я вернулся в лагерь, оставив мальцов думать над своим поведением. С одной стороны, я убедил их, что Дом не собирается никого наказывать, а с другой, хотелось надеяться, что полученный урок навсегда отведит их от идеи связываться с сомнительными ритуалами.

— Саньфэн, ты куда пропал? — Вэй тоже успел закончить общение с деревенскими. — Решал жизненно важные вопросы?

— Ага, — согласился я.

В конце концов воспитание подрастающего поколения можно назвать и так.

— Если ты закончил искать сокровища по кустам, удели нам толику своего драгоценного времени. Тай небось уже изнывает от любопытства.

Тай был занят тем, что чистил лошадей. А вернувшаяся чуть раньше Яньлинь сидела на козлах и пересказывала ему то, что узнала от раненого и тех, кто находился при нем..

— Странное дело, «демоны» приложили столько усилий,

чтобы похитить жителей деревни, и потом просто бросили посреди Серых земель? — заметил Тай.

— Не всех, — уточнил Вэй.

Среди расположившихся на холме крестьян не хватало человек тридцать, в том числе моих тети с дядей и двоюродного брата. Не забирали детей младше десяти и совсем уж стариков — видимо, решили, что с ними слишком много возни. В остальном же, чем руководствовались «демоны» при выборе, оставалось загадкой.

— Что касается похищения, враги спешили, — предположил Вэй. — Возможно, боялись привлечь внимание Дома. Или заклинания, которые они использовали, чтобы задурить головы деревенским, нельзя использовать выборочно. А может, наших «демонов» тоже напугали местные волки, и они избавились от обузы, забрав только тех, кто им действительно нужен. Осталось решить, что делать дальше нам.

— Вернемся? — с надеждой предложил Тай.

Вэй покачал головой.

— Кем бы ни были похитители, они, похоже, опасны. А потому следует узнать о них как можно больше. Иначе никто не гарантирует, что нападение на земли Дома не повторится, — белобрысый покосился на меня. — Опять же, родню брата Саньфэна бросать нехорошо.

Пусть мы и не были никогда близки, пожалуй, мне и правда неприятно думать, что с тетушкой Жуйпин и дядюшкой Дубу могло случиться что-то плохое. Да и двоюродно-

му братцу, несмотря на то, что тот немало задирает меня в свое время, я не желал зла. Ведь учитель Лучань наставлял, что заклинателю следует проявлять великодушие. Вот я великодушно и посмотрю, как вытянется рожа кузена, когда он увидит меня в изумрудном ханьфу со знаками Дома.

— Но и этих людей оставлять без защиты нельзя, — задумчиво продолжил Вэй. — Волки могут напасть снова. Давайте вы с Яньлинь проводите крестьян до деревни, а мы с Саньфэном отправимся дальше?

— Я пойду с вами, — перебила Яньлинь.

— Это рискованно, ласточка... — заикнулся Вэй.

— Именно потому что это рискованно, я и должна быть с вами. Мои зелья вам пригодятся, как никому. Уверена, Тай вполне сможет продержаться тут два-три дня, а там либо прибудет подмога из Дома, либо мы вернемся — почему-то мне кажется, что до логова «демонов» осталось не так и далеко.

— Полагаю, вы трое твердо решили свернуть себе шеи в Серых землях и отговаривать вас бесполезно? — для порядка проворчал Тай, тоже понимая разумность доводов солнечного гения.

Белобрысый развел руками, уточнил:

— Справишься здесь один?

В кои-то веки он утратил дурашливость, а потому Тай серьезно задумался, прикидывая свои силы, вздохнул и ответил:

— Куда я денусь.

Вэй, несомненно, мог назвать десяток мест, куда можно деться в Серых землях, но в этот раз счел за лучшее промолчать.

Глава седьмая

Из густых кустов рододендрона, где мы укрылись, вход в ущелье просматривался великолепно. Как и преграждавший путь частокол из хлипких палок и камней. Нелепое сооружение могло сдержать разве что нападение полевых мышей, и то они бы легко просочились в щели, проникнув в видневшееся позади селение без боя.

На бревне рядом с проходом сидели два стража, вооруженные примитивными копьями с каменными наконечниками. Это явно были люди, но какие-то странные: низкорослые, сутулые, худые, хотя под служившими им одеждой шкурами это замечалось не сразу, с тупыми обезьяньими лицами. Разморенные на солнце, они почти не шевелились, изредка переругиваясь короткими фразами.

— Похоже, наконец-то прояснилось, кто наши таинственные поджигатели травы. Вырожденцы, — наконец заключил Вэй. — В трактате о «Землях и населяющих их народах» говорится, что когда-то они были обычными людьми, но потом под влиянием Серых земель выродились в дикие племена, живущие охотой и собирательством. В «Каноне Извечного Света», например, изложена теория, что все дело в низком энергетическом уровне, который негативно влияет на живых существ...

Я с невольным уважением покосился на солнечного гения, впервые лицезрея человека, который не только, похоже, прочел весь «Канон», но еще смог разобраться в нем и запомнить.

— К Домам они обычно не приближаются, хотя на торговые караваны, случалось, нападали. Про одиночек и говорить нечего.

— Как думаете, зачем они похитили жителей? — спросила Яньлинь.

— Может, у них охота не задалась? — предположил белобрысый. — А кушать хочется.

Яньлинь недоверчиво уставилась на белобрысого.

— Хочешь сказать... они едят людей?!

— Жрут. Грызут. Лопают. Поглощают, — с готовностью начал перечислять Вэй.

— Фу! Какая гадость! — позеленела Яньлинь.

— Человек не только венец творения, бессмертная душа и зеркало мира, но и несколько десятков килограммов ценного неповоротливого мяса, требухи и...

— Чрезмерно болтливый язык, — перебил я, пока подругу не стошнило. — Что будем делать? Нападем?

Вэй задумался:

— Лезть в открытую — опрометчиво. Для начала хорошо бы разведать обстановку. Этих разомлевших обезьян мы вырубим играючи, но по другую сторону заставы может быть второй отряд, который поднимет тревогу и приведет под-

крепление. Драться против толпы дикарей, имея в запасе три кристалла фохата, — чудеснейшая возможность получить на надгробном камне эпитафию: «Пал жертвой естественного отбора». К тому же среди вырожденцев есть заклинатели, способные одурманить и увести за собой целую деревню, — белобрысый покачал головой. — Нет, нужно искать обходной путь.

Я скептически обвел взглядом крутые склоны.

— По здешним кручам скакать могут разве что горные козы.

Одна, всклокоченная и грязная, с загнутыми рогами, как раз взбиралась по отвесному откосу, полностью игнорируя законы земного притяжения.

— Вряд ли они согласятся покатать нас, да и вообще подпустят близко, — добавил я, смотря, как коза в пару прыжков преодолела оставшееся расстояние и скрылась на вершине.

— Тай, сними личину Саньфэна, — насмешливо произнес белобрысый, — она тебе не идет. А вообще жаль. Если бы удалось добыть пару-тройку шкур, могли бы воспользоваться способом вырожденцев, — заметил Вэй, и в ответ на наши недоуменные взгляды пояснил: — Только представьте! Мы в козих шкурах, с рогами, в масках, ночью — вполне сойдем за демонов! Все племя побежит, роняя сандалии или что они там носят!

— Снова строишь планы, из которых ничего не выйдет?

— Ты прав. Не выйдет, — с притворной досадой согласился Вэй. — Из Яньлинь получится слишком милый демон, который никого не напугает.

Подруга пнула белобрысого, но из-за неудобного положения удар получился смазанным.

— Милый, — повторил Вэй, задумчиво косясь на Яньлинь и на всякий случай отползая подальше. — Нам бы пленника... Ласточка, у меня есть к тебе предложение исключительно неприличного содержания. Позволишь нам нынешним темным вечером воспользоваться твоим юным женским телом?

— Я... — гневно вспыхнула Яньлинь, от возмущения на миг растеряв все слова. — Не знаю, что ты задумал, но даже не заикайся! Я заклинательница, а не какая-то девка зеленых покоев [зелеными покоями именовались бордели]!

— Эти обезьяны как-никак мужчины. Значит, подвержены женским чарам, — не смутился Вэй. — Ты улыбнешься, как Дяочань [легендарная обольстительница, из-за которой, по слухам, едва не началась война Старших Домов], попросишь о помощи и заманишь их подальше. А уж там мы с Сяньфэном разберемся.

У меня появилось желание отвесить Вэю подзатыльник: иногда его склонность к балагурству где надо и где не надо просто бесила.

— Улыбаться этим страшилам? — если бы глаза Яньлинь могли метать молнии, нашего гения испепелило бы на месте.

— Ты совсем спятил?!

— Можешь не улыбаться, — разрешил белобрысый. — Только приведи их сюда. Просто я подумал, что будет вежливее сравнить тебя с легендарной обольстительницей, чем с червяком на крючке.

Я начал понимать план Вэя, предложил:

— Давай я пойду?

Белобрысый скептически покосился на меня:

— Саньфэн, ты только не обижайся, но даже если обрядить тебя в женское ханьфу, на Дяочань ты ну никак не тянешь, — он вздохнул, словно сетуя, что приходится объяснять элементарные вещи. — Любого мужчину часовые, несомненно, воспримут, как угрозу, а потому мы с тобой только насторожим вырожденцев. Женщина выглядит слабее и беззащитнее, а потому желанная добыча.

— Я... слабее?! — возмутилась Яньлинь.

— Ты у нас настоящая рысь в обличьи овечки, — Вэй обернулся к Яньлинь, — А потому легко сыграешь роль наживки и добудешь нам пленника. Ну или второй вариант: мы возвращаемся к Таю на остров, отправляем последнего голубя в Дом и ждем мастеров.

— Мастера доберутся сюда в лучшем случае дня через два-три, — прикинул я.

И мы прекрасно понимали, что этих трех дней у жителей Няньшань может и не быть.

На вылазку решили отправиться в час крысы.

Ночь выдалась пасмурная и безлунная. Последнее играло нам на руку и позволило подобраться почти вплотную к костру, который дикари разожгли у входа с наступлением темноты. Мы с Вэем залегли за валуном, наблюдая за Яньлинь.

Та шла медленно, неуверенно. Остановилась на пару мгновений, собираясь с духом. Достала из сумки флакон, пригубила, всхлипнула, выругалась. А затем сорвала ленту, растрепав волосы, и решительно шагнула напрямиком на свет.

— Помогите! — жалобно закричала Яньлинь. — Прошу вас, помогите!

Караульные всполошились, вскочили с насиженных мест, перехватили древки копий.

— Стой! — рыкнул правый дикарь. — Кто такой? Откуда взялась?

Увидев нацеленный на нее наконечник копья, подруга остановилась. Пару секунд помялась, а затем обрадованно запричитала.

— Слава Извечному Свету, что привел меня к вам, храбрые воины! Меня зовут Ху Лань [листья орхидея]. Мы с мужем отстали от каравана, и на нас напали шакалы. Прошу вас, спасите моего дорогого Ли Су!

Напор Яньлинь обескуражил дикарей, и секунд пять они стояли в недоумении. Затем загоготали:

— Глупый баб! Твоего мужа уже сожрал шакал. Радуйся, что сама убежал целый.

— От зверей мы отбились, но Ли Су серьезно ранили. Он поставил барьер, а я отправилась искать помощь. Пожалуйста. Я заплачу! У вас ведь есть лекарь? Я щедро награжу его.

Глаза дикарей алчно блеснули: неужели заинтересовались золотом? Караульные переглянулись, затем один из них уточнил:

— Барьер? Невидимый стена, через который не пройти? Твоя муж прокля... заклинатель?

Или не золотом? Яньлинь умница, сразу догадалась подыграть:

— Да. Заклинатель! Дом тоже будет благодарен, если вы нам поможете!

— Ранен? Сильно?

— Он без сознания. Пожалуйста, пойдете скорее. Я боюсь, что шакалы могут вернуться!

Тот, что слева, пихнул товарища в бок:

— Сильный рана — слабый заклинатель. Живой заклинатель хорошо. Шаман будет рад. Много радость шаману — большая награда нам.

— Много гневаться Громила, если мы покинуть пост, — возразил второй. — Давай приведем шаману баб.

Дикари задумались, косясь на Яньлинь. Я напрягся, готовый вмешаться, если они задумают утащить подругу за стену.

— За баб награда маленький, за живой заклинатель — большой. Косоглаз умный, Косоглаз знает, что делать! — заявил первый. — Криворук идет с бабой за заклинатель, а Косоглаз говорит Громиле, что Криворук отошел до ветру. Награду делить пополам.

— Почему это я идти? — возмущился Криворук.

— Потому что Косоглаз умный, но маленький, — привел весомый аргумент его напарник.

Криворук, который и впрямь отличался более крупным телосложением, неуверенно переступил на месте, явно не желая никуда идти. Но желание получить награду перевесило осторожность, и он махнул Яньлинь.

— Веди, трусливый баб. Где твой муж?

— Прошу за мной. Тут недалеко.

Яньлинь развернулась и быстрым шагом направилась в сторону холма. Мы с Вэем осторожно, боясь потревожить вглядывающегося в ночь Косоглаза, отпозли от заставы и через пару минут нагнали Яньлинь и ее спутника, тенью следовав за ними.

Минут десять шли молча. Дикарь заволновался, начал озираться.

— Долго еще? — раздраженно спросил он, пытаясь скрыть неуверенность. — Где твой муж?

— Почти пришли, храбрейший из воинов. Я оставила его вон в тех зарослях.

Яньлинь попыталась незаметно пропустить Криворука

вперед, но тот неожиданно схватил ее за плечо, потащил за собой к кустам. Заклинательница попыталась вывернуться, но дикарь держал ее крепко.

Обнаружив, что там никого нет, он пришел в ярость.

— Ты обманула меня, наглый баб!

Дикарь замахнулся, собираясь отвесить Яньлинь оплеуху.

Я призвал лозовую плеть и с размаха стегнул ею по спине Криворука. Тот выгнулся дугой и бухнулся на колени, вопя как раненый боров. Яньлинь ударом ноги повалила дикаря на землю, призвала лозу-удавник. Десятки алчных ртов с острейшими иглами-шипами нависли над поверженным Криворуком. Тот заскулил и попытался отползти, но Яньлинь наступила ему на грудь.

— Проклятые! Ты сама проклятая! — завопил дикарь. — Сгинь! Не трогай моя душу!

— Душу? — уточнил Вэй. — Яньлинь, признавайся, зачем тебе душа этого бедолаги?

— Превращу в призрака и прикажу являться к тебе по ночам, если не угомонишься.

Загорелое лицо дикаря побледнело.

— Хватит, — я поравнялся с Яньлинь. — Я и так с трудом понимаю, что он балакает. Если он еще и заикаться начнет... Как нам его потом допрашивать?

— Сам виноват, — фыркнула подруга. — Нечего было руки распускать!

Она еще несколько секунд поиграла лозой перед бледным

лицом дикаря, а затем все же развеяла печать. Провела по лицу, размазывая грязь. Только теперь я обратил внимание, что глаза и нос у Яньлинь опухли, покраснели.

— Ты что... плакала? Перепугалась? Прости, что заставили тебя так рисковать.

— Вот еще! — Яньлинь рассмеялась. Показала зелье, которое отхлебнула перед тем, как выйти к костру. — «Вдовья радость». Полезная штука при желудочных расстройствах. Но запах и вкус у него отвратительные, слезу на раз вышибает. Давайте уже приступим к делу, зря я, что ли, страдала.

Это «приступим к делу» настолько напугало Криворука, что он вскочил и бросился наутек со скоростью степного джейрана.

— Не так быстро!

Вэй прищелкнул пальцами. Гибкая лоза стремительно нагнала дикаря, заплела ноги и повалила на землю.

— Куда это ты собрался? — ласково поинтересовался белобрысый. — У нас на тебя большие планы.

Криворук заорал дурниной, но вторая лоза тут же заткнула его.

— Тс-с-с-с, — Вэй поднес палец к губам. — Не надо так кричать, имей уважение к спящим.

Повинуясь приказу белобрысого, лоза подтащила дикаря к нам. Мы усадили его спиной к валуну, лоза тут же обвилась вокруг, крепко прижав пленника к поверхности камня.

— У нас к тебе пара вопросов, — будничным тоном про-

должил Вэй. — Если ответишь честно — так и быть, уговорю нашу «проклятую» не забирать твою душу. Кивни, если согласен.

Криворук быстро закивал, выказывая готовность сотрудничать.

— Вопрос первый: где крестьяне, которых вы увели из Няньшань?

Пленник замычал.

— Кляп я сейчас уберу — сказал белообрый. — Но если ты продолжишь вопить, тобою займется она, — жест в сторону Яньлинь.

Та снова призвала лозу-удавник. Великий Дракон, что за спектакль устроили эти двое? Мы рядом с логовом безумных дикарей, а не на сцене бродячего цирка.

Тем более Вэй явно переборщил с угрозами. Криворук закатил глаза и обмяк, потеряв сознание. Пришлось Яньлинь действительно заняться им и воспользоваться тем же зельем, которым она приводила в чувство пьяницу Бао Туна.

— Говори. Где люди? — потребовал я, когда дикарь пришел в себя.

— В клетках. Неверные в клетках. Ждут своего часа.

— Какого еще часа? — не понял я.

— Жертва. Шаманы принесут хороший жертва Черному солнцу. И оно пошлет великий благодать на Серый земли. Оно отобрать силу у проклятый вор и вернуть нам.

Мы с Вэем одновременно выругались, когда до нас дошел

СМЫСЛ сказанного.

— Что за дикость?! — поморщился белобрысый. — Задабривать придуманного божка кровью в надежде, что он приведет стадо косуль прямо в деревню.

— Черное солнце существовать всегда! — неожиданно смело возразил Криворук. — Наши шаманы просить о сила, и Черное солнце дать им силу. Наши шаманы просить о мудрость, и Черное солнце дать им мудрость. Наши шаманы...

— Какое щедрое солнце! — язвительно перебил Вэй. — Может, и мне обратиться к нему и попросить чего-нибудь? Например, чтобы старик Фухуа передал мне посох и гемму главы.

— Ты проклятый! Вор! Черное солнце никогда не простить тебя! Оно пить твой кровь, терзать твой разум и превращать в свой раб, а затем убить.

— Я передумал, — разочарованно заявил белобрысый. — Это очень злое солнце!

Я вздохнул. Великий Дракон, есть ли в Спектре сила, способная заставить этого придурка быть серьезным?

— А в фантазиях этих дикарей есть своеобразная логика, не находите? Интересно, что они курят? — задумчиво потер подбородок Вэй. — Не ту ли травку, которой одурманили деревенских в Няньшань? Хотя нет, тут все гораздо печальнее.

— Черное солнце или нет, — заговорила Яньлинь, — их шаманы умеют воздействовать на разум. Можно даже предположить, что они используют печати. Остается вопрос, —

Яньлинь задумчиво огляделась, — где они берут энергию?

— Деревенская алхимия, — предположил белобрысый.
— Варят из трав пилюли, временно дающие силу. По типу наших кристаллов фохата, — он похлопал себя по мешочку на поясе.

— Хм... Растения-проводники фохата и впрямь существуют, но их недостаточно для полноценной пилюли.

— Добавляют туда помет лунных мышей, — серьезно сказал Вэй. — Сама знаешь, какой он полезный.

— Полезный, да... — повторила Яньлинь, прикидывая что-то в уме. Но вдруг поняла, что сказала, и вспыхнула. — Какой еще помет лунных мышей?! Ты что несешь?

Вэй поднял руки в примирительном жесте и улыбнулся:

— Не сердись, ласточка. Просто проверял тебя на внимательность.

— Я передумала. Из тебя выйдет призрак лучше! — Яньлинь призвала лозу-удавник и направила на белобрысого.

Тот даже не шелохнулся.

— Ты же не лишишь себя рецепта «вечной весны», которым я обещал поделиться? Не верю, что ты способна на такой необдуманный поступок.

Эта парочка определенно стояла друг друга. Я повернулся к пленнику. Дракон с их Черным солнцем, надо узнать главное.

— Когда состоится жертвоприношение?

— Когда наступать час Черного солнца.

— Выражайся яснее, дери тебя маогуй! — разозлился я.

— В час Черного солнца, — повторил Криворук. — Шаман сказать, скоро. Шаман после сказать, когда.

Яснее не стало, но более четкого ответа я, похоже, не добьюсь. Я обернулся к Яньлинь и Вэю.

— Этот час проклятого солнца может быть и через неделю, и сегодня ночью. Учítывая «скоро», я бы поставил на второе. Ждать помощи времени нет. Лезть самим очень опасно, но я бы все же рискнул.

— Согласна. Нельзя бросать людей! — веско сказала Яньлинь. — Их же всех убьют!

— Значит, будем спасать, — предвкушающе улыбнулся Вэй. — Зря мы, что ли, тащились в такое захолустье?

— Сколько воинов в поселении? — спросил я у Криворука.

— Все мужчина, кто прожил пятнадцать лун, — воин, — гордо сказал тот, и начал считать: Косоглаз, Тугоух, Большой палец, Красная рожа...

— Эй, — одернул его Вэй, — ты что, собрался нам все племя перечислить? Боюсь, я не выдержу и двух десятков ваших дурацких имен и прикончу тебя.

Дикарь умолк.

— Просто скажи, сколько у вас мужчин, способных драться, — подсказал ему я.

— Многа! Больше, чем рыба в озере, коза в горах и бородавка на лице старой ведьмы.

— Потому что коз и рыб вы сожрали, — передразнил Вэй, задумался. — Вряд ли здесь прокормится больше сотни-двух людей. Сотня безумных дикарей. В самый раз, чтобы размяться!

— У нас по одному кристаллу фохата на каждого, — напомнил я. — Плюс запас внутреннего сосуда. Это пять-семь старших печатей. И не забывайте, что нам потом возвращаться обратно через Серые земли...

— Давай поспорим? — предложил Вэй. — Кто сохранит свой кристалл, тот получит...

— От меня по башке, — вставила Яньлинь.

— Вообще-то я не это хотел сказать, — хохотнул Вэй.

— Кончай балагурить, — одернул его я. — Мы не на прогулку собрались.

— Слушаюсь, великий учитель, — поклонился белобрысый. — Вот только у нас остался еще один вопрос.

— Какой?

Вэй кивнул на пленника:

— Что делать с этим? Отпускать его нельзя. Оставлять кого-либо с ним непрактично. Может, я испытаю на нем утреннее зелье?

— Тебя разве не учили быть милосердным к врагам? — поинтересовался я у белобрысого.

— Не-а, — с кровожадной улыбкой отозвался тот.

— Не нада! — взвизгнул дикарь, вряд ли понимая, что его ждет, но догадываясь, что ничего хорошего. — Черное солн-

це мстить! Дух предка мстить, если кто обидеть Криворук!

— Боюсь-боюсь, — передразнил Вэй. — Если дух твоего предка собирается вмешаться, сейчас самое время.

Раздавшийся неподалеку вой заставил всех вздрогнуть.

— Демоны, — выругался белобрысый, глядя на медленно приближающуюся к нам знакомую дымчатую тварь.

Глава восьмая

— Кто там? — нервно крикнул во тьму Косоглаз, услышав шум шагов.

— Я, — ухмыляясь, шагнул в круг света Криворук.

— Свинья! Колючка в твой зад! — выругался перепуганный Косоглаз. — Где тебя демон носили?

— Смотри лучше, кого я привести, — осклабился выщербленным ртом Криворук и дернул за веревку. — Проклятый! Настоящая!

От резкого рывка я споткнулся, налетел на привязанную первой Яньлинь, едва не сбив ту с ног. Лодыжку прострелило болью, в глазах потемнело, а от металлического привкуса во рту меня едва не вывернуло прямо под ноги дикарям. Демоны бы побрали белобрысого с его зельем, из-за которого мы оказались в таком дурацком положении!

— Ай, харашо! — обрадовался Косоглаз. Потянулся ткнуть меня в бок. — За такой пленник шаман большой награда даст.

— А то! Только мужчин хилый, не жить долго, — ревниво стукнул его по руке Криворук. — Я сразу вести их к шаман. Если Громила придет — скажи: Криворук поймал проклятый и женщин, пошел шаман отдавать.

— Награда пополам? — прищурившись, уточнил Косо-

глаз, не спеша отступить с дороги. — Не обмануть?

— Ты — мой друг. Как можно обмануть друг?

— Клянись Черное солнце, что дашь половина награды,
— не уступал Косоглаз. — Или я звать Громила, и тот забирать пленник.

— Ах ты драный собака! — сжав кулаки, Криворук на-
двинулся на напарника. — Не верить мой слова?!

Низкорослый дикарь ловко отпрыгнул, поднял копьё и на-
правил в грудь Криворуку.

— Все знать, что ты — брехло. Клянись! Или...

— Шакал тебя сожрать! — бессильно выругался Криво-
рук. — Клянусь Черное солнце отдать половину награда Ко-
соглаз. Довольна?

— Сразу бы так, — буркнул Косоглаз, стараясь скрыть до-
вольную ухмылку. — Что стоять? Веди пленник быстрее, по-
ка живой!

Криворук раздраженно дернул за веревку, и я, в очеред-
ной раз едва не полетев на землю, подумал, что как только
развяжусь, точно прибью одного белобрысого придурка.
Пусть это и будет последнее, что я сделаю в жизни.

— Не спать! Идти! Перебирать ногами шустро! Ну! — по-
догнал нас с Яньлинь Криворук.

Косоглаз отступил с дороги, задумчиво окинул нас взгля-
дом.

— Криворук, а где твой копьё? — окликнул он напарника.
Дикарь замешкался, сокрушенно вздохнул.

— Там! — неопределенно махнув рукой, пробурчал себе под нос Криворук.

— Где тама?

— На горе Кху-Яма!

— Что ты бубнеть? Я не слышать.

— Говорю: сломать копьё. Потом сделать себе новый.

И Криворук потащил нас с Яньлинь в прореху между палками частокола, не дожидаясь ответа напарника.

Опасаясь столкнуться с другими дикарями, сторожку по ту сторону забора мы миновали быстрым шагом. Судя по гоготу внутри, сменный караул проводил время не так уныло, как их товарищи у входа, что играло нам только на руку. Чем расхлябаннее себя ведет стража, тем дальше удастся пройти, не ввязываясь в стычки.

Эхо голосов затихало за спиной. Ночь наполнилась журчанием воды (похоже, где-то близко тек ручей), стуком копыт горной козы, шорохом осыпающейся со склонов породы. Через края в ущелье заглядывали звезды, а вот луны не было — и на дне клубилась тьма, не позволявшая различить ничего дальше нескольких чи [примерно тридцать три сантиметра].

Приходилось идти медленно, осторожно, выверяя каждый шаг: не хватало еще провалиться в какую-нибудь ямину или наступить на змею — хотя те уже должны были лечь в зим-

нюю спячку.

Я пожалел о том, что не могу воспользоваться валявшимся в сумке хрустальным шаром: свечение фохата сразу выдаст нас. А вот факел позаимствовать у дикарей все-таки стоило. Мне было не с руки, учитывая, что руки у меня связаны. Но наш-то сопровождающий мог и позаботиться о других!

Сам Криворук прекрасно обходился без света и вел нас вперед так уверенно, что я начал подозревать его в дальнем родстве с демоническими кошками маогуэй. У скопления валунов он остановился, повертел головой, убеждаясь, что вокруг никого нет и объявил:

— Мы прибыть!

— Прибить, — передразнил я. — Тебя. Ты зачем так за веревку дергал? Мы тебе кто? Марионетки?! Кукловод нашелся!

Вэй, надевший личину дикаря, по-идиотски улыбнулся и развел руками.

— Как твоя нога, Саньфэн? — обеспокоенно поинтересовалась Яньлин.

— Терпимо. Хотя бы перестал хромать.

Трава, что подруга дала мне разжевать, а затем примотала к лодыжке, имела отвратительный, напоминающий кровь вкус. Зато нога, которую я подвернул, когда уклонялся от стремительного броска дымчатой твари, уже почти не болела.

Благо только ногой и отделались: волк, или кем бы тот демон не был, как и в прошлый раз легко прошел сквозь печать солнечного гения, но проигнорировал нас, вцепился в Криворука и утащил визжащего от ужаса дикаря в ночь. Все произошло так стремительно, что мы даже вмешаться не успели.

Вот вам и духи предков!

— Постарайся все-таки не нагружать ее слишком сильно, — предупредила подруга, в которой инстинкты лекаря, требовавшие отправить меня на отдых, боролись со здравым смыслом.

— Не волнуйся, ласточка. Я позабочусь о том, чтобы вы с братишкой Саньфэном не перетруждались, — Вэй ухмыльнулся. — Кукловод, не кукловод, но какое представление, а?! Даже немного обидно, что зритель один, да и тот слабоумный. Жалко тратить на такого талант прирожденного актера, по которому плачет труппа «Лотосовых лицедеев» [известный бродячий театр].

— Бамбуковая палка по тебе плачет, — зашипел я на белобрысого. Братишка? Кажется, одна наглая морда слишком много о себе мнит. — Ты чуть не выдал нас своей идиотской шуткой!

— Тот косоглазый даже не разобрал, что я сказал, — отмахнулся Вэй. — Эти дикари еще тупее, чем я думал.

— Зато заподозрил. Особенно после того, как заметил, что ты без копья.

— Хочешь, я вернусь и вырублю его? — прекратив дура-

чится, спросил белобрысый. — Если это тебя успокоит.

— Демоны с ним. Что дальше?

Как бы то ни было, заставу мы миновали, а значит, проникновение на территорию дикарей можно считать успешным. Зелье «Кожа змеи», которое Яньлинь приготовила на месте, сработало идеально: из Вэя получился настоящий Криворук, даже родная мать дикаря, мир ему в желудке твари из пустоши, не признала бы подмены.

— Эффект должен продержаться еще как минимум час, — Яньлинь оглядела солнечного гения, явно гордясь результатом своих трудов.

— Значит, продолжаем спектакль? — обрадовался Вэй. — Зря, что ли, мне пришлось сожрать волос этого уродца. Если кто в Доме узнает, моя репутация будет безнадежно испорчена!

— Болтай меньше... всяких глупостей, никто и не узнает.

Белобрысый с опаской покосился на Яньлинь. Подозреваю, что «не болтать глупости» касалось не только нынешней ночи. Похоже, у подруги появился веский аргумент в грядущих спорах.

— Хватит терять время. Идем.

Если случится чудо, и Криворук все-таки сумеет сбежать от твари, мы попадем в очень незавидное положение. Хотелось бы найти жителей Няньшань прежде, чем поднимется тревога.

В этот раз мы с Яньлинь, связанные, брели впереди, а Вэй-

Криворук следовал за нами. Дорога поднималась вверх, стены ущелья наоборот расходились в стороны и становились более пологими. Через пару ли мы вышли на плато, а еще через ли оно оборвалось исполинским котлованом.

Луна так и не показалась, но тусклый свет звезд позволял различить убежавшие вниз ярусы, в которых чернели многочисленные зевы пещер. Рядом с некоторыми мерцали оранжевые огни факелов. Поселение вырожденцев было похоже на гигантский улей, а огни на светящихся пчел, уснувших после трудового дня.

— Неплохо эти дикари устроились! — присвистнул белобрысый. — С размахом!

— Знаете, я тут внезапно подумала... — задумалась Яньлинь, — как было бы интересно хотя бы несколько дней понаблюдать за общиной вырожденцев, изучить их быт, обряды. Это же станет замечательным вкладом в наше понимание общих принципов мироустройства, если, например, нам удастся выяснить, откуда взялась вера в Черное солнце, чем бы оно там ни было. Мы могли бы познакомиться поближе с...

— Знакомься. Кажется, они тоже не против, — разрешил белобрысый, кивая на вынырнувшие из-за кустов темные фигуры. Залюбовавшись причудливым зрелищем, мы пропустили появление очередного караула.

— Кто такой?

Четыре крепких дикаря окружили нас, отрезая путь к бегству. Хмурые неприветливые рожи намекали, что гостям они

не рады.

— Брат, не узнать? — вспомнил о своей роли Вэй. — Криворук идет. Пленник ведет к шаман.

— Что за пленник? — уточнил самый рослый дикарь, похожий на горную обезьяну.

— Ценный пленник. Проклятый мужчин и его женщин. Женки бугая алчно сверкнули.

— Криворук, ты сегодня сторожить застава?

— Сторожить.

— Покидать стража без разрешения — плоха. Громила узнать — наказание дать.

— Я вести ценный...

— Я слышать, — прервал Вэя бугай. — Сам отдашь мне пленник или хочешь Громила звать, спрашивать?

Прямо-таки интересно стало, что это за Громила, которым дикари пугают друг друга.

Вэй, не торопясь уступать, заскрежетал зубами, поднял сжатые кулаки, изображая негодование.

— Это мой пленник, — угрожающе прохрипел белобрысый, явно переигрывая. — Ты не мочь отбирать! Или завтра вся деревня знать.

Бугай криво ухмыльнулся.

— Деревня знать, если Криворук выжить. Ночь темная, многа дикий опасный зверь ходит, напасть застава.

Мы с Яньлинь молча стояли, наблюдая за беседой. Я пошевелил пальцами, готовый в любой момент сбросить путы

и вступить в схватку.

— Последний раз спрашивать, — вкрадчиво прохрипел бугай, — отдаешь мне пленник?

— А то что?

— А то дух предка забрать Криворук!

Каменные наверхия четырех копий нацелились в бело-брысого.

— Д-дух забрать? Ч-чтоб с-с-сожрать? — заикаясь (и что это на него нашло?), уточнил Вэй. А затем вдруг заливисто рассмеялся.

— Я сказать что-то веселый? — глаза бугая сузились.

Вэй выставил в его сторону ладонь, прося повременить с расспросами, при этом продолжая ржать как жеребец, увидевший Тая с лепешкой.

Дикари застыли в недоумении, даже копыя чуть опустили.

Утерев выступившие слезы, Вэй, наконец, удостоил бугая ответом:

— Слушай, приятель, ты больше так не шути, хорошо? А то ж я от смеха и помереть могу. А я молодой, мне столько всего предстоит сделать. Я, между прочим, еще даже не стал главой Дома...

— Что?! — брови дикаря полезли на лоб. — Ты... что... как говорить? Ты не...

Четыре лозы выстрелили из земли, обвили шеи дикарей. Те захрипели, выронили копыя, схватились за гибкие отростки, пытаясь ослабить хватку. Напрасные усилия. Проще от-

нять добычу у давешней твари, чем сбежать от солнечного гения. Вэй развел ладони — и лоз стало больше: они обвили дикарей, пеленая по рукам и ногам. Спустя несколько секунд на землю упали четыре неподвижных кокона.

— Они хоть живы?.. — неуверенно уточнила Яньлинь.

Белобрысый пожал плечами. Выругался под нос, помянув Нью Мо-вана. Хотя при чем тут быкоголовый князь демонов, если сами виноваты, что проморгали караул. Да, стражу у ворот мы ловко обвели вокруг пальца, но наивно было думать, что нам и дальше будет так везти. Дикари хоть и не отличались умом и сообразительностью, были у себя дома и знали тут каждый камень, а мы имели весьма смутное представление, куда идти.

Благо поднять тревогу бугай и его приятели вроде бы не успели. Но кто знает, как скоро остальные хватятся пропавший караул? Да и способности пресловутых шаманов нам не известны: вдруг те почувствовали всплеск фохата и уже догадываются о нашем присутствии.

Так что нужно действовать быстро.

Я сбросил путы, метнулся в кусты, откуда выбрались дикари, позвал:

— Здесь пещера, тащите их сюда!

Пещера оказалась неглубокой расселиной в скале. На земле валялись соломенные подстилки, остатки еды, у одной из стен сгрудились мешки. Видимо, сменный караул коротал здесь время в ожидании своей очереди. На наше счастье

(вернее, на счастье дикарей) убежище пустовало. Похоже, встречать незваных ночных гостей вышла вся стража.

Повинуясь приказу, лозы затащили тела на подстилки. Мы накрыли их найденными здесь же покрывалами из грубой ткани. Воины устали от службы и решили покемарить часок-другой. Бывает. Обман, конечно, вскроется, но я надеялся, что к тому моменту мы уже отыщем похищенных жителей Няньшань и выведем их отсюда.

Яньлинь беспокойно топталась у пещеры.

— Маскарад продолжаем? — спросил Вэй.

Облик Криворука и не думал рассеиваться.

— Пока не доберемся до деревенских, лучше не привлекать к себе лишнее внимание, — ответил я.

Яньлинь одобряюще кивнула.

— Только погоди нас связывать. Давай сначала спустимся вниз.

Понять бы еще, как дикари попадали в селение. Мы подошли к уступу и почти сразу же обнаружили три веревочные лестницы, привязанные к вбитым в камень кольям. Конопляные веревки хоть и были достаточно толстыми, выглядели не слишком надежными.

Я попытался представить, как толпа одурманенных шаманами крестьян лезла по шатким перекладинам, и мне отказало воображение. Наверняка неподалеку имеется еще спуск, и, может статься, даже не один. Но искать другой путь у нас не было времени.

— Раз уж я сегодня за местного, то мне и идти первым,
— заявил Вэй. — Если все чисто, подам вам знак.

Белобрысый наступил на перекладину, осторожно перенес на нее вес, пообещал дикарям, что, если веревки вдруг оборвутся, следующую сотню лет будет являться к ним в виде злого духа, и скрылся во тьме.

Секунды ожидания тянулись нестерпимо долго. Ночную тишину нарушали лишь гул ветра между камней, назойливый звон озверевших комаров и скрип веревки, говоривший о том, что Вэй продолжает спуск, и с ним все в порядке.

Яньлинь глубоко вздохнула, обхватила себя за плечи и поежилась.

— Замерзла? — спросил я.

Подруга покачала головой.

— Странно все это. Если Вэй прав насчет происхождения вырожденцев, значит, в Серых землях тоже когда-то жили обычные люди. А потом... Что случилось потом, Саньфэн?

Она замолчала, задумавшись. Я тоже.

Внезапно вспомнил корабль, на котором мы добирались до горы Тяньмэнь. Солнечный гений говорил, раньше таких было много, но я сомневался в его словах. В Серых землях, где нет фохата, это просто большая бесполезная лодка, а территорию Дома легко обойти на своих двоих или облететь на «лепестке». Лошади опять же есть, на крайний случай.

Так что кораблю оставалось пылиться в хранилище Дворца старейшин, покидая его раз в несколько лет ради какой-ни-

будь пышной церемонии.

В лодыжку, отвлекая от мыслей, вцепилась лоза, нетерпеливо дернула, и я выругался: чтобы подать знак, белобрысый «удачно» выбрал подвернутую ногу.

Лестница, хоть и была частично прибита к скале, сильно шаталась. Комары так и норовили залезть в нос и глаза. Один раз я чуть не слетел вниз, когда подгнившая перекладина треснула под подошвой башмака. В другой меня завалило вправо, чиркнув костяшками пальцев о щербатый камень. Я зашипел от боли, послав и лестницу, и ее строителей на гору Кху Ям. Нет уж! Наверх только с помощью печати!

— Ты пыхтеть как бальной слон, — встретил меня белобрысый внизу.

— Заткнись, — мне было не до его дурацких шуток.

Спустя пару минут к нам присоединилась Яньлинь. Вэй, «беря в плен», снова накинул на нас с подругой петли из лозы, и мы осторожно выдвинулись в сторону ближайших строений.

Вокруг царила тишина. Деревня спала.

Из крайней хижины выскочило и налетело на нас нечто мелкое, чумазое и лохматое. С писком повалилось на зад, выронив что-то белое и округлой формы. Мяч? Ребенок? Чему удивляться? Должны же быть у вырожденцев женщины и дети.

— Не бойся! Криворук не обидеть... — успокаивая, Вэй потянулся к мелкому дикарю: если тот завизжит, то разбудит

всех вокруг и привлечет ненужное внимание.

Детеныш оскалился, зашипел, как разъяренный кошак. Шустро проскользнул под ладонью Вэя, подхватил свою игрушку и бросился прочь.

— Мне показалось, или у него в руках череп? — неуверенно уточнила Яньлинь.

— Ага. Череп. Человеческий. Может быть, даже «проклятый вор», как мы с тобой, — подтвердил белобрысый, поинтересовался у заклинательницы: — Ты все еще хочешь познакомиться с дикарями поближе?

Глава девятая

Лачугами, в которых ютились вырожденцы, погнушались бы даже нищие. Сложенные из камней, веток, соломы, перемазанные глиной, кособокие уродливые строения жались к земле и вызвали закономерные опасения, что в любой момент могут рухнуть на головы своим хозяевам. Из черных дыр входов несло немытыми телами, помоями, тухлятиной и еще Дракон ведаёт чем. Как назло, я не мог даже прикрыть нос рукавом и лишь морщился да ругался про себя.

Крестьян из Няньшань, по словам Криворука, держали дальше, в пещерах, которыми изобиловали здешние горы. В порядке ли они? Надеюсь, да. Даже неожиданному гостю радушный хозяин не предложит заплесневелую лепешку. А тут целое божество! Вряд ли его посмеют оскорбить недостойной жертвой. Значит, до назначенного часа людей не тронут.

Впереди горел факел, вокруг которого порхал целый рой белых мотыльков. Хоть большая часть вырожденцев дрыхла в своих халупах, мы все равно старались держаться в стороне от освещенных мест, и Вэй свернул в узкий пропахший мочой проулок. Я последовал за ним, стараясь не думать о разбегающихся по сторонам крысах и о том, что такое склизкое хлопает под подошвами башмаков.

Где живут, там и гадят! Похоже, о происхождении вырож-

денцев Вэй с «Каноном» нам нагло соврали. Разве могли люди опуститься до такого полуживотного состояния?!

Крыса шмыгнула рядом с ногой, заставив вздрогнуть от омерзения.

— У! Тварь!

Поначалу мне показалось, это выругался Вэй, но тут стена одной из хибар внезапно опрокинулась, едва не придавив белобрысого. В проулок выкатился клубок из двух полуголых шипящих тел.

Мы с Яньлинь поспешно отступили в тень.

Клубок распался на всклокоченных мужчину и не менее растрепанную женщину. Дикарка бросилась прочь, едва не врезалась в Вэя.

— Криворук? — удивилась-обрадовалась она, попыталась вцепиться в белобрысого, зло крикнула в сторону своего... отца? брата? мужа? — Криворук хороший. Не обижать. Теперь Кривонога любить Криворук, быть его жена! Шить нэй-и из козьих шкур [нижнее белье, представляет собой что-то среднее между фартуком и трусами]. Чесать вши. Кормить жареный крыс и сушеный жук.

Ошалевший от такой перспективы Вэй произвольно попятился.

— Глупый жена. Капризный жена. Я ломать Криворук нос, — угрожающе прорычал вырожденец, наступая на парочку. — И Криворук стать Криворож.

— Э, ребята... давайте вы тут сами разберетесь, без ме-

ня, а? — миролюбиво предложил солнечный гений, отступая еще дальше. — И вообще Криворук торопится, вот! Криворук звать шаман! Ругаться, если долго ждать!

Вэй поспешно нырнул в ближайший проулок. Женщина хотела было броситься за ним, но муж схватил ее за волосы и швырнул в дыру. Поднатужившись, поставил стену на место и тоже скрылся в доме.

Все про все заняло минуты две, не больше. Мы с Яньлинь растерянно переглянулись и перебрались на соседнюю улицу, где ждал наш едва не обретший семейное счастье солнечный гений.

— Упустил такой жена! Криворук и Кривонога — у вас даже имена подходящие, — подначил я белобрысого. — Тебе там жареный крыс предлагали и козье нэй-и. А какой опыт! Когда еще выпадет понаблюдать за дикарями в естественной среде! Открыть одну из тайн мироздания, как они выжили-то до сих пор! Где твое любопытство?

— Саньфэн, — вкрадчиво заметил Вэй, намекая, что развивать эту тему не стоит. — Кажется, у Яньлинь осталось еще зелье «Змеиной кожи», так что ты вполне можешь сам вкусить все блага местного быта. А я пока не готов принести такую жертву даже ради мироздания.

Остаток пути по деревне нам удалось миновать без приключений, и когда последние лачуги остались позади, я облегченно перевел дух.

— Куда дальше?

— Предполагаю, туда, — белобрысый указал на противоположный край котлована, где факелов и костров было больше всего.

У пещер нас ждало очередное препятствие в виде толстобрюхого лысого дикаря, увлеченно обгладывавшего большую козлиную (по крайней мере, я, не вовремя припомнив шутки Вэя, надеялся, что именно козлиную) кость.

Миновать его незаметно не было никакой возможности. С другой стороны, толстяк выглядел так, будто ему и дела нет до происходящего вокруг, а потому мы решили рискнуть и уверенно направились ко входу в пещеру. Но не тут-то было.

— Криворук, — лениво пробасил толстяк, — куда идти?

— Веду пленник, — не растерялся Вэй. — Важный пленник. Проклятый. Шаман сказать мне: вести сюда.

— Шаман? — переспросил толстяк. — Шаман надо тут быть. Смотреть проклятый жертв. Опасно. Следить в оба глаз.

— Шаман смотреть проклятый, — согласился белобрысый. — Сказать, сил нет. Выпить Серый земля. Велеть под замок.

Дикарь уставился на нас крохотными глазами-бусинами. Под лысой черепушкой явно кипела напряженная мыслительная работа. Я держал наготове печать лозы: если дикарю вздумается устроить проверку, то он сильно пожалеет. Но, похоже, осмотр удовлетворил вырожденца. Толстяк сыто рыгнул, нехотя поднялся, взял факел и пошаркал в уво-

дящий внутрь скалы проход, махнув рукой Вэю, чтобы тот следовал за ним.

Поначалу лаз был таким узким, что я всерьез опасался, что наш проводник застрянет. Но вскоре проход расширился настолько, что можно было больше не бояться стукнуться головой или задеть плечом стену. По обеим бокам естественного коридора попадались забранные деревянными решетками ниши. Свет факела выхватывал из тьмы силуэты людей внутри. Кто-то лежал, кто-то сидел, прислонившись к стене. Когда мы проходили мимо очередной ниши, молодой мужчина рванулся к решетке, что есть силы затряс ее, вопя:

— Выпустите, уроды! Что вам от нас нужно?!

Похоже, о жертвоприношении жителей Няньшань забыли просветить. Оно и к лучшему: спасти паникующую толпу было бы гораздо труднее.

— Ша! Закрывать рот! — жирдяй махнул факелом, заставив бунтаря отшатнуться. — А то звать шаман! Шаман злиться! Делать плохой сон!

— Цуй, правда, дай поспать, — окликнул бунтующего низкий мужской голос. — От того, что ты вопишь, ничего не изменится. С ними бесполезно разговаривать.

Мужчина вполголоса бросил что-то обидное, но отошел вглубь ниши и присел на камень.

— Людь из Няньшань? — осведомился Вэй у толстяка.

— Ага. Шаман привел. Плохой людь. Неверный. Служит проклятый вор, — буркнул тот. — Шуметь часто, спать ме-

шать. Скоро Черный солнце. Тогда снова стать тихо.

— Сегодня или завтра? Я не понять, когда, — не упустил случая поинтересоваться Вэй.

Толстяк пожал плечами, повторил то же, что и Криворук:
— Шаман сказать.

Дойдя до конца прохода, дикарь остановился напротив закрытой решетки — удивительно, из металла. Вытащил из-за шворота ржавый ключ на кожаном шнурке, гордо продемонстрировал Вэю. Белобрысый протянул руку, но толстяк ревниво сжал свое сокровище в кулаке.

— Не дать! Криворук не положен.

— Почему? — искренне возмутился Вэй.

— Глупый. Совсем дурак. Стать умный, как я, тогда... — толстяк задумался и закончил, — все равно не дать! Мое!

С замком «умный» дикарь возился минут пять. Наконец ключ со скрежетом провернулся. Скрипнули петли: похоже, их не смазывали по меньшей мере несколько десятилетий. На половине дверь и вовсе заклинило.

— Пленник сюда веди, — сказал толстяк. — Особый пленник — отдельно держать. Самый надежный мест.

Я скептически посмотрел на щель, предупредил Вэя:

— Я туда не полезу, даже не проси.

Судя по ударившей в нос вони, в «надежный мест» кто-то недавно сдох, и я не собирался быть следующим. Белобрысый укоризненно вздохнул, намекая, что я мог бы еще дать ему насладиться спектаклем, активировал печать. Тол-

стяк не успел даже пикнуть, как оказался спеленатым. Жгут лозы прочно закрывал его рот и тот только и мог, что возмущенно мычать и вращать поросячьими глазками.

Вэй втолкнул дикаря внутрь камеры и собирался уже захлопнуть дверь.

— Стой! — вмешалась Яньлинь. — А вдруг дверь совсем заклинит?

Заклинательница полезла в сумку, извлекла пузырек с серого цвета жидкостью и, запрокинув толстяку голову, влила пару капель в нос. Тот чихнул, осел на пол, закрыл глаза и захрапел.

— Ну вот, крепкий долгий сон ему обеспечен, — сказала подруга, пряча склянку обратно.

— Похвальная забота о чужой жизни, ласточка, — не удержался от подколки Вэй. — Может, ты усыпишь всю деревню, и мы, не таясь, выведем крестьян?

— Я понимаю, что это глупо, — виновато улыбнулась Яньлинь. — И нас бы они не пощадили, но... чем дольше я на них смотрю, тем больше понимаю: они как малые дети! Глупые, жестокие, погрязшие в суевериях...

— Хорош малыш, — Вэй легонько пнул толстяка. — Такой большой вымахал! Наверняка, хорошо кушал. Пленников.

— Разумом!.. — вспыхнула Яньлинь. — Я говорила исключительно про возраст разума, а он, как всем известно, не равен возрасту тела! Саньфэн, ты-то меня поддерживаешь?

Я пожал плечами, равнодушно отнесясь к внезапной блажи подруги. Напомнил:

— Если вы закончили спорить, может, займемся делом? Нужно освободить людей и убираться отсюда, пока эти дикие детки не явились поиграть с нами.

— Я посторожу у выхода, — посерьезнел Вэй. — Попрошу никого сюда не соваться, пока вы с Яньлинь собираете наших блудных няньшаньских овечек.

Я сдвигал тяжелые засовы и отпирал камеры. Яньлинь успокаивала людей, уговаривая их вести себя тише. Всего камер оказалось шесть. В последней ютилось четверо женщин среднего возраста. Мое появление они встретили с настороженностью в глазах.

— Ничего не бойтесь, — успокоил я. — Мы — заклинатели Дома и здесь, чтобы спасти вас. Выходите наружу и, пожалуйста, не шумите.

— Саньфэн? — неуверенно уточнила одна из женщин. — Ты ведь Саньфэн?

— Тетушка Жуйпин?

Несомненно, это была она. Круглое лицо, вздернутый нос и ореховые глаза, смотревшие на мир с кроткой добротой. Тетушка бросилась ко мне, порывисто обняла, затем отстранилась и долго рассматривала, словно не веря, что я настоящий.

— Ты так вырос, малыш, — наконец, сказала она. — Стал совсем взрослым. И выглядишь как настоящий заклинатель!

— Тетушка, вы в порядке? — при первой же возможности я вывернулся, чувствуя себя из-за этих телячьих нежностей крайне неловко. — Дядя и Сюань здесь?

При упоминании имен мужа и сына на ее глаза навернулись слезы.

— Я... Их отвели в другое место. Эти демоны, давали нам камень, и тех, у кого он засветился, забрали. Туда, — всхлипнула тетушка и неопределенно махнула в сторону.

— Уверен, с ними все в порядке. Я найду их, — пообещал я, сжав ладони тетушки. — А вы пока ступайте со всеми.

Вряд ли в умении убеждать женщин я сравнюсь с Вэем, но, кажется, тетушка Жуйпин мне поверила и безропотно присоединилась к остальным.

Крестьяне толпились в коридоре и беспрестанно дергали Яньлинь вопросами. Подруга как могла успокаивала их. Я пересчитал — девятнадцать человек. Значит, дядюшка и двоюродный братец не единственные, кого увели в другое место.

Возвращение белобрысого, который все еще выглядел как Криворук всполошило крестьян.

— Стойте! Это друг! — успел остановить я Цуя и еще одного мужика, прежде чем белобрысому заслуженно, но совершенно не ко времени прилетело кулаком в лоб.

— Я есть друг, — с острозубой улыбкой подтвердил белобрысый, пробираясь ко мне сквозь недружелюбно косящуюся на него толпу. — Я не есть мясо человек.

И зачем я остановил крестьян? Глядишь, отвесили бы белобрысому оплеуху, мозги на место бы встали.

— Снаружи поднимается суета, — шепотом заметил Вэй, оказавшись рядом со мной. — Похоже, обнаружили обезвреженный нами караул. Я пошумлю, отвлеку дикарей, а вы с Яньлинь выводите людей. К северу от пещеры склон не такой крутой. Возможно, там будет легче подняться, чем по веревочным лестницам.

— Здесь не все, — возразил я. — Нет моего дяди и двоюродного брата. И еще десяти человек. Вряд ли нам удастся проникнуть в селение еще раз, поэтому предлагаю такой план: вы идете с этими крестьянами, а я нахожу остальных и догоняю вас.

Белобрысый с досадой цокнул.

— Я бы предложил поменяться. Я сильнее тебя, старше, а потому и рисковать следует мне, но...

Вэй указал на недружелюбно косящихся в его сторону жителей Няньшань:

— ...боюсь, меня попытаются пристукнуть прежде, чем я успею объяснить, что на самом-то деле я белый и пушистый. А выгляжу, как местный уродец, потому что оказался в немилости у одной прекрасной ученицы мастера пилюль.

— Ты... — вспыхнула Яньлинь, но я осадил ее:

— Потом врежешь ему. Разрешаю. А сейчас у нас другие заботы.

— Саньфэн прав: на нежности у нас сейчас нет времени.

Займусь-ка я тем, что умею лучше всего, — продолжил как ни в чем не бывало белобрысый. — Привлекать чужое внимание. Вам же останется самое легкое...

— Поменяемся? — перебила Яньлинь. — Привлечь внимание — дело нехитрое. Ты попробуй добраться до безопасного места с двумя десятками крестьян!

— Боюсь, он самолично угробит их, не успев вывести из селения дикарей.

Солнечный гений негодуя хмыкнул:

— Ладно. Вы идите вдвоем за родней Саньфэна, а я...

— А ты стать умный сначала. Хотя бы как он, — передразнивая, кивнул я на камеру, где похрапывал толстяк. — А тебе даже ключ не доверили, не то что людей.

Яньлинь рассмеялась, тут же нахмурилась:

— Братец Саньфэн, брат Вэй, будьте осторожны.

Я улыбнулся и ободряюще кивнул:

— И ты тоже.

— Хайяо не потерял? — уточнил Вэй.

Я молча похлопал по поясу.

— Не лезь на рожон, — продолжил белобрысый. — Я прослежу, чтобы ласточка со своими птенчиками благополучно упорхнула из этого негостеприимного гнезда, и приду тебя вытаскивать.

Позер! Как бы его самого вытаскивать не пришлось.

Люди, ведомые Вэем и Яньлинь, покинули пещеру. Я снял со стены факел и направился в сторону, куда указала тетушка

Жуйпин. Там и вправду обнаружился еще один проход. Я надеялся, тот выведет меня в другую пещеру с камерами, но долгое время вокруг был один сплошной камень.

Шагов через двести, когда уже собирался повернуть назад, я неожиданно выбрался на перекресток. Осветил по очереди каждое из трех направлений и, не найдя никаких указательных знаков, выругался. Угрозил меня Великий Дракон попасть в местный лабиринт!

Интуиция молчала, значит, воспользуемся разумом. Центральный ход спускался вниз и щетинился нетронутыми сталагмитами-сталактитами, а еще оттуда явственно несло сыростью и слышался тихий плеск воды — похоже, под горой текла подземная река. Левый и правый проход, судя по цепочкам грязных следов, использовались чаще, из последнего еще и ощутимо дуло.

Там выход на поверхность?

Я собрался было повернуть туда. Не найду жителей Няньшань, так хоть огляжусь: пойму, насколько далеко ушел от камер, оценю обстановку — все ли поселение дикарей поставил на уши этот белобрысый придурок или только половину.

Слева эхо донесло неразборчивый гомон голосов, и я, больше не раздумывая, направился вглубь горы.

Шагов через сорок ход оборвался тупиком.

Великий Дракон! Что за невезуха!

Я поднял факел выше, проверяя, не пропустил ли какую-нибудь щель-ход. Круг света выхватил обломанные

пеньки сталагмитов, пятна коричневого мха на стене, кварцевую жилу. Рисунок. Выжженный в камне круг с расходящимися от него кривыми лучами напоминал солнце. То самое Черное солнце, которому поклоняются и приносят жертвы дикари?

Я огляделся в поисках алтаря или чего-то похожего, но к облегчению не нашел ни его, ни следов крови. Снова вернулся к изображению. А ведь где-то я его видел, причем совсем недавно. Ну, конечно! Тот же символ был изображен на застежке, что украшала хвост тряпичного тигра в доме дядюшки Дубу! И что все это значит?!

Отвлечшись, я не сразу обратил внимание на шорох позади. Обернулся, роняя факел и призывая «Рой шипов».

Путь мне преграждал десяток дикарей в демонических масках с каменными топорами. Эти вырожденцы были крупнее всех, что я видел до этого. На их фоне стоявший впереди старик выглядел совсем хилым. Загорелое до меди лицо изрезали глубокие морщины. Тщедушный, будто высушенный временем, одетый в накидку из вороньих перьев, он напоминал старую больную птицу. В руках у него был закрытый плотной крышкой горшок.

Похоже, это и есть пресловутый шаман? Пришел помолиться своему кровожадному божеству! Как удачно! Послужит проводником — и до пленников покажет как добраться, и остудит чрезмерно горячие головы соплеменников, если они решат помешать мне забрать жителей Няньшань. Вот

только разберусь с его охраной. Я вытащил кристалл фохата.

Шаман еще не понял, что попал. Он указал на меня пальцем с длинным, кривым, напоминающим коготь ногтем и возвестил:

— Черное солнце лишить ума! Привести к нам и поймать в ловушку проклятый вор!

— Ага. Поймать. Вопрос только в том, кто кого, — согласился я, прицеливаясь, чтобы не зацепить старикашку.

Встретился взглядом с бельмами глаз, и на миг потерял контроль над шипами. Что за?!.. Плевать! Меня такими фокусами не возьмешь!

Воспользовавшись моим замешательством, шаман метнул в меня горшок. Я призвал терновый щит. Снаряд разлетелся на черепки, выплеснув фохат, в нос ударил едкий горький дым жженных трав... Фохат и травы?! Бородавки Чжун Куя!

В голове зашумело, будто там поселился рой пчел. Свет факела внезапно потускнел, мир поплыл перед глазами. Тело перестало слушаться, и кристалл выскользнул из непослушных пальцев. Призванные шипы растаяли в воздухе, так и не найдя свою жертву. Пол метнулся навстречу, и последнее, что я запомнил, удар, от которого перед глазами вспыхнуло солнце, то самое, черное. А затем меня поглотила вязкая ватная темнота.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.